

Ирина Наумова. Благодарная свекровь.

Ирина Наумова.

Благодарная свекровь.
Возвращение с небес.

Ирина Наумова

Ирина Наумова

Благодарная свекровь.

Возвращение с небес.

<https://litres.ru/74469218>

Аннотация

— Положи лилии на плиту, Инна. Мама их очень любила, — голос Марка звучит спокойно, почти свято. Я смотрю на дорогое гранитное надгробие, под которым двенадцать лет... пустота. Мои пальцы дрожат, а в сумочке жжет кожу визитка директора частного пансионата. — Ты сам закрывал гроб, Марк? — мой голос едва слышен. Он медленно поворачивается ко мне. В глазах начальника службы безопасности — холодная, непроницаемая сталь. — К чему эти вопросы спустя столько лет? Я сам её хоронил. Ты знаешь об этом. «Ты все лжешь!», — хочу крикнуть я, но лишь сильнее сжимаю зубы.

Пятнадцать лет я считала свой брак идеальным. Мой муж — моя скала, мой защитник, человек, который не умеет лгать. Каждый год мы плакали на могиле его матери, пока однажды волонтерская работа не привела меня в Богом забытый приют.

Там, в тени старых деревьев, я встретила её. Свою «мертвую» свекровь. Живую, в здравом уме, но запертую в золотую клетку собственным сыном.

Марк думал, что контролирует всё: мою жизнь, мои мысли и даже смерть. Но он не учел одного: благодарная свекровь — это самый опасный союзник для обманутой жены. И когда его стеклянный замок начнет рушиться, я буду не одна. Рядом будет тот, кто научил меня снова дышать...

В тексте вас ждут: #Сильная героиня #Властный и лживый муж
#Разоблачение семейных тайн #Настоящая любовь и второй шанс
#Обязательный Хэппи-энд (наказание для злодея)

Содержание

Глава1	5
Глава 2(Марк)	16
Глава3	32
Глава 4	48
Глава 5(Марк)	68
Глава 6	88
Глава 7(Артем)	110
Глава 8	132
Глава 9	152
Глава10	167
Глава11	192
Глава12	208
Конец ознакомительного фрагмента.	212

Глава 1

Ресторан «Версаль» пах накрахмаленными скатертями, лилиями и застарелым

высокомерием. Здесь не ели — здесь вершили судьбы или демонстрировали

статус. Свет от тяжелых хрустальных люстр дробился в бокалах, рассыпаясь на

тысячи острых, как бритва, бликов.

Я смотрела на свое отражение в полированной поверхности ножа. Бледная женщина с

безупречной укладкой. Ни один волосок не выбился из тяжелого узла на затылке.

Марк любил порядок. Марк любил, когда всё — от его подчиненных в службе

безопасности до изгиба моих бровей — соответствовало утвержденному им

уставу.

— Ты почти не прикоснулась к тартару, Инна. Тебе не нравится? — Голос мужа

прозвучал низко, обволакивающе, но в нем отчетливо слышался металл. Тот

самый металл, который я чувствовала на губах последние пятнадцать лет.

Я подняла глаза. Марку было сорок два, и он находился в той поре мужского

расцвета, когда уверенность в себе превращается в непробиваемую броню.

Белоснежная рубашка, идеально сидящий пиджак, часы стоимостью в хорошую

квартиру. Он выглядел как человек, который никогда не ошибается. Человек,

который держит мир за горло и заставляет его улыбаться.
— Просто не голодна, Марк. Слишком много эмоций. Пятнадцать лет — это... срок.

— Пятнадцать лет — это только начало, — поправил он, и его губы тронула

снисходительная улыбка. — Мы построили крепкую крепость. В наше время

это редкость. Люди разучились хранить верность, ценить стабильность. А мы с

тобой — как монолит.

«Как надгробие», — пронеслось у меня в голове, но я лишь вежливо улыбнулась.

Работа в волонтерском центре научила меня многому. Например, тому, что самые

страшные раны часто скрыты под дорогой одеждой. И что люди, которые громче

всех говорят о морали, часто прячут в подвалах самые грязные секреты. Но мой

Марк был другим. Он был прозрачен, как горный хрусталь. Жесткий,

принципиальный, честный до боли. Именно за это я когда-то его

полюбила. За ощущение абсолютной безопасности. За то, что он взял мою жизнь

в свои широкие ладони и пообещал, что мне больше никогда не будет страшно.

Он не солгал. Мне не было страшно. Мне было никак.

Марк достал из кармана бархатный футляр. Медленно, предвкушая эффект, щелкнул

крышкой. На черном ложе, в лучах софитов, вспыхнуло кольцо. Белое золото,

усыпанное бриллиантами, которые казались каплями застывшего льда.

— Пятнадцать лет, — повторил он. — Надень.

Я послушно наклонила голову. Его пальцы, сухие и холодные, коснулись моей шеи. Я

невольно вздрогнула. Это не было прикосновением влюбленного мужчины. Это было

движение ювелира, примеряющего ошейник на породистую гончую. Тяжелый металл

лег на ключицы, моментально высасывая тепло из кожи.

— Красиво, — прошептала я, чувствуя, как кольцо сдавливает горло.

— Это эксклюзив, Инна. Как и ты. — Он снова сел, удо-

влетворенно кивнув. — Завтра

у нас важный день. Я заказал машину на десять утра. Заедем за цветами и на

кладбище. Двенадцать лет, как мамы нет с нами. Нужно обновить венки.

Мое сердце привычно кольнуло. Антонина Васильевна. Женщина, которую я знала

всего три года, но которая успела стать мне ближе родной матери. Она была

теплой, шумной, пахла сдобными булками и старыми книгами. Ее внезапный уход —

инфаркт, как сказал Марк, — стал для нашей семьи первой серьезной трещиной.

Марк тогда почернел от горя. Он сам занимался похоронами, сам выбирал

памятник, сам запретил мне ехать в морг: «Я хочу, чтобы ты запомнила ее

живой, Инна. Не разрушай этот образ».

Я тогда была раздавлена его заботой. Как он, бедный, всё вынес? Как организовал

этот закрытый гроб, объяснив, что мама «сильно изменилась в лице»? Я плакала на

его плече, не подозревая, что под слоем этого горя может скрываться что-то еще.

— Конечно, Марк. Я уже подготовила черное платье.

— Хорошо. Ты всегда была понятливой, — он пригубил вино. — Кстати, как твои...

подопечные? Опять возишься с этими отказниками и брошенными стариками? Тебе не

кажется, что ты тратишь свои силы впустую? Эти люди — отработанный материал. Им

уже ничем не поможешь.

— Им нужно простое человеческое внимание, Марк. Ты бы удивился, как мало нужно

человеку, чтобы почувствовать себя живым. Просто чтобы кто-то взял за руку.

Послушал историю.

Марк насмешливо вскинул бровь. — Истории умирающих — сомнительное удовольствие.

Но если тебе это помогает чувствовать себя святой — я не против. Только не

приноси эту заразу в дом. Ты должна быть чистой.
«Чистой». В его понимании это означало — стерильной.
Никаких чужих проблем,

никаких эмоций, которые он не мог бы контролировать.
Вечер тянулся, как вязкая патока. Мы обсуждали его успехи в компании,

предстоящий аудит службы безопасности, новую систему видеонаблюдения,

которую он внедрял на объектах. Он говорил о камерах с таким восторгом, словно

это были произведения искусства.
— Ты только представь, Инна: тридцать точек контроля.
Мы видим всё. Даже то, как

у сотрудника дрожат веки, когда он врет. От меня ничего нельзя скрыть. Никогда.

Он посмотрел мне прямо в глаза, и на секунду мне показалось, что я под прицелом

одной из его камер. Что он видит мои мысли — путанные, тревожные, полные

смутного протеста.

— Надеюсь, мне никогда не придется проверять это на тебе, — добавил он, и в его

голосе проскользнула едва уловимая угроза.

— Зачем тебе проверять меня, Марк? Я здесь, перед тобой. Вся, до последней

пуговицы.

— Именно. И я хочу, чтобы так было всегда. Ты — моя опора. Мой единственный

надежный тыл. Если я разочаруюсь в тебе, мой мир рухнет. А когда мой мир

рухнет, я становлюсь... неприятным человеком. Ты же этого не хочешь?

Я медленно покачала головой. Страх, который я так долго гнала, шевельнулся

где-то в солнечном сплетении. Это был не страх побоев — Марк никогда не

поднимал на меня руку. Это был страх абсолютного поглощения. Словно я была

не человеком, а частью его сложного механизма, который он регулярно смазывал

дорогими подарками и визитами в рестораны.

Когда мы вышли на парковку, ночной воздух показался мне спасительным. Огромный

черный внедорожник Марка ждал нас, как верный зверь. Мой муж открыл мне дверь,

придержал за локоть — идеальный джентльмен.

Дома, в нашей огромной квартире, где каждый предмет мебели стоял по линейке,

тишина была почти осязаемой. Марк ушел в кабинет «закрыть пару вопросов», а

я пошла в спальню.

Сняв кольцо, я долго смотрела на красные следы на бледной коже шеи. Золото

оставило клеймо. Я подошла к окну, глядя на огни города. Завтра кладбище.

Завтра мы снова будем стоять перед куском дорогого гранита с золотыми буквами:

«Антонина Васильевна Мельникова. 1958 – 2014. Помним. Любим. Скорбим».

Я тогда еще не знала, что завтра всё, что я считала своей жизнью, разлетится

вдребезги. Что одна случайная встреча в коридоре Богом забытого пансионата

перечеркнет мои пятнадцать лет покорности. Что я увижу глаза, которые не могут

принадлежать покойнице.

А пока я просто стояла у окна, и бриллианты на колье, брошенном на туалетный

столик, мерцали в темноте, как глаза хищника, терпеливо ждущего свою добычу.

Марк зашел в спальню через час. Он не спросил, хочу ли я этого. Он просто взял

то, что считал своим по праву обладания. И пока он двигался надо мной, тяжелый

и уверенный, я смотрела в потолок и считала трещины в своей душе, которых он

никогда не замечал.

— Ты лучшая из женщин, Инна, — прошептал он, засыпая. — Моя идеальная, честная

жена.

Я закрыла глаза. В ту ночь мне приснилась свекровь. Она стояла в тумане и тянула

ко мне руки, но вместо слов из ее рта высыпался сухой песок.

«Спаси меня», — прочитала я по ее губам за секунду до того, как проснуться от

собственного крика, который так и не вырвался наружу.

Глава 2(Марк)

(от лица Марка)

Мониторы в моем кабинете не просто передавали изображение. Они дышали.

Шестнадцать прямоугольников, в каждом из которых пульсировала жизнь

огромного холдинга, стекались ко мне, как кровь к сердцу. Я любил этот

предрассветный час, когда офис еще пуст, а служба клининга уже закончила

свою невидимую работу, оставив после себя лишь резковатый запах озона и

полироли.

В этом стерильном мире всё было под контролем.

Я откинулся на спинку кресла, чувствуя, как дорогая кожа принимает форму моего

тела. На столе стоял кофе — черный, без сахара, обжигающий. Именно такой,

какой нужен, чтобы мозг работал как идеально отлаженный хронометр.

На четвертом мониторе охранник на КПП-2 зевнул, прикрыв рот ладонью. Я отметил

это в уме. Вторая смена начала расслабляться. Завтра Савельев получит выговор.

Не за зевок, нет. За то, что позволил себе на секунду забыть, что на него

смотрят. В моем мире нельзя забываться.

На пятнадцатой годовщине вчера всё прошло безупречно. Колье на шее Инны

смотрелось именно так, как я и задумывал — как россыпь льда на бархате.

Она была бледна, тонка и покорна. Мой идеальный фасад. Моя лучшая инвестиция.

Люди смотрят на Инну и видят мою надежность. Если у человека такая жена,

значит, ему можно доверить миллиардные активы.

Я вызвал на экран график передвижения личного автотранспорта. Тонкая синяя

линия, обозначающая «Мерседес» Инны, за вчерашний день. Дом — волонтерский

центр — ресторан — дом. Всё в пределах нормы. Почти. В районе обеда линия имела странный излом. Сорок минут в промышленной зоне на

окраине. Зачем? Там нет хосписов, нет детских домов, которыми она так любит

забивать свою голову.

Я нахмурился.

Контроль — это не только знание того, где человек находится. Это понимание того,

о чем он молчит. Инна молчала о многом, и меня это устраивало, пока её молчание

вписывалось в мой сценарий. Женщине её склада нужны страдания, чтобы

чувствовать себя живой. Именно поэтому я позволял ей возиться с её

«униженными и оскорбленными». Это была её легитимная доза боли, которая

удерживала её рядом со мной.

Раздался негромкий зуммер внутреннего селектора.

— Марк Анатольевич, — голос секретаря был лишен эмоций, как я и требовал. —

Прибыл отчет из аналитического отдела по объекту «Кедр». Загрузить на ваш

планшет?

— Да, — бросил я, не сводя глаз с монитора.

«Кедр». Мой личный проект, мой самый старый скелет, надежно запертый в шкафу,

обшитом мягким войлоком. Двенадцать лет назад я принял решение, которое

сделало меня тем, кто я есть.

Отец тогда только ушел, оставив после себя хаос, долги и мать, которая начала

стремительно сходить с ума от горя и осознания собственной ненужности.

Антонина Васильевна всегда была женщиной... неудобной. Слишком много

чувств, слишком много правды, слишком много требований. Она хотела, чтобы я

бросил всё и спасал семейную честь, пока Денис, мой непутевый младший брат,

проигрывал остатки наших активов в подпольных казино. Мать тогда едва не разрушила мою первую серьезную сделку. Она хотела покаяний,

она хотела вернуть деньги обманутым вкладчикам отца. Она не понимала, что в

бизнесе нет места для совести. Есть только место для выживших.

Я помню тот вечер. Она кричала, металась по гостиной, угрожала пойти в

прокуратуру. Она была опасна. Для меня, для моего будущего, для всей

той империи, которую я только начал возводить на руинах

отцовского краха.

Решение пришло мгновенно. Чистое, как выстрел.

Два врача, которых я купил вместе с их дипломами и клятвами Гиппократов. Липовое

заклучение о прогрессирующей деменции с агрессивными вспышками. Закрытый гроб

на пустых похоронах. Я до сих пор помню, как дрожали руки у Дениса, когда он

бросал горсть земли на пустую крышку. Он верил. Все верили.

Инна тогда плакала больше всех. Она так трогательно сжимала мою ладонь, шептала,

что теперь она будет моей семьей. Я смотрел на её слезы и чувствовал странное

удовлетворение. Я подарил ей повод для скорби, а себе — свободу действий.

Планшет пискнул, принимая файл. Я открыл его.

«Объект К-12. Состояние стабильное. Когнитивные функции без изменений. Жалоб

нет. Контакты с внешним миром отсутствуют».

Я пролистал счета. Содержание Антонины Васильевны обходилось мне в круглую

сумму. Лучшие препараты, отдельный блок, круглосуточное наблюдение. Я не

был монстром. Я просто был рационалистом. Я обеспечил ей старость в комфорте,

лишив её лишь одного — возможности разрушить мою жизнь.

Иногда, в редкие моменты бессонницы, я спрашивал себя: что бы я сделал, если бы

она действительно умерла тогда? Наверное, я бы почувствовал облегчение. Но

держат её там, в «Кедре», было своего рода трофеем. Живое доказательство

того, что я могу переписать реальность. Что я могу заставить человека

исчезнуть, оставив его дышать.

В дверь постучали. Вошел Савельев, мой заместитель. Человек исполнительный, но

лишенный воображения. Идеальный инструмент.

— Марк Анатольевич, по вашему распоряжению лилии заказаны. Доставка к десяти

утра к вашему дому. Черная лента, карточка... всё как обычно.

— Хорошо, Савельев. Что с проверкой волонтерского сектора?

Заместитель замялся. — Ваша супруга... она проявляет завидную активность. Вчера

их группа посещала несколько объектов в пригороде. По документам — консультации

по опеке. Но...

— Говори, — я не любил пауз.

— Но один из объектов — это частный сектор. Совсем рядом с «Кедром». Буквально в

десяти минутах езды.

В кабинете стало так тихо, что я услышал, как тикают часы на запястье Савельева.

Моё сердце не изменило ритма. Я профессионал. Но внутри что-то сместилось.

Маленькая деталь, которая не должна была существовать. Инна рядом с «Кедром»? Случайность?

В моем мире случайностей не бывает. Бывают только плохо просчитанные

вероятности.

— Она заходила на территорию? — спросил я, разглядывая свои ногти.

— Нет данных. Камеры пансионата работают в автономном режиме, отчет придет

только вечером. Но её машина была замечена на парковке у лесничества, это

совсем близко.

Я медленно поднялся. Подошел к окну. С тридцать четвертого этажа город казался

макетом, который я мог раздавить одним движением пальца.

— Свободен, Савельев. И приготовь машину. На кладбище я поеду сам, без

сопровождения.

Когда дверь закрылась, я вернулся к столу. Вызвал на

экран историю платежей за

последний месяц. Всё было чисто. Я перечислял деньги через подставные фирмы,

маскируя их под благотворительные взносы в фонд развития медицины. Артем,

директор этого заведения, парень принципиальный и скучный, даже не знал,

кто его главный спонсор. Для него Антонина Васильевна была просто «пациенткой

с особым статусом».

Но если Инна что-то почувствовала...

Я вспомнил её взгляд вчера в ресторане. Что-то в нем изменилось. Раньше это было

обожание, смешанное с легким трепетом. Вчера там была... пустота? Или это была

маска, похожая на мою?

Я открыл скрытую папку в облаке. Фотографии Инны, сделанные скрытыми камерами в

нашей квартире за последние сутки. Вот она сидит у окна. Вот она расчесывает

волосы. Вот она долго смотрит на кольцо, которое я подарил. Её лицо кажется

спокойным. Слишком спокойным.

Я взял телефон и набрал номер нашего семейного врача.

— Доброе утро, доктор. Как состояние Инны? Вы выдали ей новый курс витаминов?

— Да, Марк Анатольевич. Всё по схеме. Она принимает их ежедневно. Жалуется на

легкую сонливость, но это нормальная реакция на компоненты. Репродуктивная

система в состоянии глубокого покоя, как вы и просили. Никаких рисков

случайной беременности.

— Благодарю, доктор. Продолжайте наблюдение.

Я положил трубку. Ребенок был бы лишним. Он стал бы рычагом, который я не мог бы

полностью контролировать. Инна должна принадлежать только мне. Её тело, её

мысли, её преданность.

Я снова посмотрел на излом синей линии на GPS-трекере.
Сорок минут.

Сорок минут — это вечность для того, кто умеет задавать вопросы.

Я открыл сейф, достал оттуда старую, пожелтевшую фотографию. На ней мы с

матерью. Мне десять, я только что выиграл олимпиаду по математике. Она

улыбается, обнимает меня за плечи. Она тогда еще не знала, что её сын —

математик до мозга костей. Что он просчитает её жизнь на десятилетия

вперед и найдет в уравнении лишнюю переменную.

— Ты сама виновата, мама, — тихо произнес я в пустоту кабинета. — Ты не захотела

играть по моим правилам.

Я сложил фотографию пополам и бросил в шредер. Мелкие полоски бумаги посыпались

в корзину, как конфетти на похоронах.

Сегодня мы поедем на кладбище. Я буду стоять у пустой могилы, буду обнимать Инну

за плечи и чувствовать запах её духов — нежный, цветочный, умиротворяющий. Я

буду идеальным мужем. Я буду скорбящим сыном.

А вечером я узнаю, что она делала в лесничестве рядом с «Кедром».

И если она начала задавать вопросы... Что же. В моем пансионате есть еще одно

свободное крыло. Там очень тихо. Там кормят три раза в день и выдают самые

лучшие витамины.

Я улыбнулся своему отражению в черном стекле монитора.

Бог в деталях. А дьявол — в контроле над ними.

На часах было восемь утра. Город окончательно проснулся, заполнив улицы шумом и

суетой. Но здесь, на тридцать четвертом этаже, царила тишина. Идеальная,

стерильная, абсолютная.

Я поправил запонки — подарок Инны на прошлый день рождения. Массивное золото,

сапфиры. Тяжелые, как кандалы.

— Пора, — сказал я сам себе.

Впереди была долгая дорога к фальшивой могиле. И я собирался пройти этот путь с

высоко поднятой головой. Ведь в конце концов, правда — это всего лишь вопрос

того, кто рассказывает историю первым. А я всегда рассказывал свои истории

так, что им верили даже мертвые.

Я накинул пиджак. Он сел идеально. Впрочем, как и всё в моей жизни.

За дверью кабинета меня ждал мир, который я построил. Мир, где Инна была моей

тенью, мать — призраком, а я — единственным живым существом, имеющим право на

волю.

Я вышел, и охранники у лифтов вытянулись в струнку.

Они боялись меня. И это было

правильно. Страх — это самая надежная форма преданности.

Лифт плавно скользнул вниз, унося меня из моей цитадели в город.

Сегодня будет солнечный день. Прекрасный день для того, чтобы еще раз убедиться

в собственной непогрешимости. И если где-то в фундаменте моего замка появилась

трещина, я залью её бетоном прежде, чем кто-то успеет заметить пыль.

Инна ждала меня дома. Я чувствовал её присутствие даже на расстоянии. Моя

послушная, честная, прозрачная жена.

— Мы скоро будем, мама, — прошептал я, глядя, как мелькают этажи на табло. — Мы

скоро будем.

Но на этот раз я не был уверен, кому именно адресованы эти слова — той, что

лежала в моей памяти, или той, что ждала меня в «Кедре».

И эта неуверенность была единственной вещью, которую я не мог контролировать.

Пока что.

Глава 3

Утро пахло разогретым асфальтом и дешевым кофе из автомата в вестибюле

волонтерского центра. После вчерашнего вечера в «Версале» эта честная,

пыльная реальность была мне необходима как глоток кислорода. Марк уехал в офис в

семь утра, оставив на кухонном острове короткую записку: «В десять будь готова.

Цветы доставят».

Я смотрела на его ровный, почти каллиграфический почерк и чувствовала, как под

кожей начинает зудеть мелкая, раздражающая дрожь.

— Инна? Ты здесь? — Галина Петровна, наш координатор, женщина пятидесяти лет с

вечным пучком на затылке и добрыми, вечно усталыми глазами, тронула меня за

плечо. — У нас накладка. Группа для восьмого хосписа уже укомплектована, но

пришел запрос на консультацию из пригорода. Частный пансионат «Кедр». Им нужно

помочь с документами для одной подопечной — там какая-то путаница с опекуном.

Поедешь?

Название «Кедр» отозвалось в голове глухим эхом. Тот самый район, где вчера

навигатор Марка зафиксировал странную остановку. Сорок минут.

— Поеду, — ответила я быстрее, чем успела обдумать это решение.

Наш служебный микроавтобус, старый, пропахший медикаментами и сухими пайками,

катил по шоссе в сторону лесного массива. Я смотрела в окно на мелькающие

сосны и сжимала в руках папку с чистыми бланками. Внутри всё скручивалось в

тугой узел. Я убеждала себя, что это просто совпадение. В этом районе десятки

объектов. Мало ли, какие дела у начальника службы безопасности в промзоне?

Пансионат «Кедр» не имел ничего общего с государственными приютами, которые я

посещала дважды в неделю. Здесь не было запаха хлорки и непроваренной каши.

За высоким кованым забором, укрытым густыми ветвями вековых елей, стояло

здание из темного дерева и стекла. Стильное, дорогое, пугающе тихое.

— Приехали, — буркнул водитель, высаживая меня у КПП. — Заберу тебя через два

часа.

На входе меня встретила старшая медсестра — женщина с лицом настолько гладким и

лишенным эмоций, что она сама казалась частью интерьера. На бейджке значилось:

«Нина Сергеевна».

— Волонтерская служба? — она окинула мой простой брючный костюм оценивающим

взглядом. — Директор занят, у него обход. Проходите в административный

блок, я подготовлю документы по пациентке Ивановой.

Она повела меня по коридору. Пол был застелен ковролином, поглощавшим любые

звуки. Вдоль стен стояли кадки с декоративными растениями, а из скрытых

динамиков лилась едва слышная инструментальная музыка. Это место должно было

олицетворять покой, но я чувствовала только удушье. Это была дорогая тюрьма для

тех, чье присутствие в мире стало неудобным.

— Подождите здесь, — Нина Сергеевна указала на кожаный диван в холле и скрылась

за массивной дверью.

Я села, но усидеть не смогла. Тишина давила на барабан-

ные перепонки. Я встала и

подошла к огромному панорамному окну, выходящему во внутренний дворик. Там, на

идеально подстриженном газоне, в инвалидных креслах сидели несколько пожилых

людей. За ними присматривали санитары в безупречно чистой форме.

Мой взгляд зацепился за одну из женщин. Она сидела поодаль от остальных, спиной

к зданию. Серый кардиган, аккуратно уложенные седые волосы. Что-то в наклоне её

головы показалось мне до боли знакомым. Знакомым на уровне мышечной памяти, на

уровне тех трех лет, когда я была счастлива в доме своей свекрови.

«Этого не может быть. Это просто воображение. Ты слишком много думаешь о ней

перед кладбищем», — твердила я себе.

В этот момент женщина обернулась. Она словно почув-

ствовала мой взгляд.

Я перестала дышать. Мир вокруг замер, рассыпался на пиксели и собрался заново,

но уже в другой, страшной конфигурации.

Из-под седых прядей на меня смотрели глаза Антонины Васильевны. Те же

миндалевидные, чуть прищуренные, цвета крепкого чая. Тот же прямой

нос, та же скорбная складка у губ. Она была старше, намного старше той

женщины, которую я помнила. Лицо покрыла сеточка морщин, кожа стала

прозрачной, как пергамент. Но это была она.

Моя свекровь. Которую я двенадцать лет считала мертвой.

Я прижалась лбом к холодному стеклу. В глазах потемнело. Горло перехватило

спазмом, и я едва не вскрикнула.

— Женщина, вам плохо? — голос медсестры за спиной прозвучал как выстрел.

Я резко обернулась, пытаюсь скрыть дрожь в руках. Нина Сергеевна стояла с

папкой, подозрительно прищурившись.

— Нет... нет, просто голова закружилась. Душно у вас. Скажите, — я указала

пальцем в сторону двора, стараясь, чтобы мой голос не сорвался в истерику,

— а кто эта женщина? В сером кардигане?

Медсестра едва скользнула взглядом по окну. — Это пациентка из двенадцатого

бокса. Поступила очень давно. У неё тяжелая форма деменции, она почти не

говорит. Родственники оплачивают полное содержание, но сами не посещают —

врачи рекомендуют не беспокоить её память, это вызывает агрессию.

— Как её зовут? — я шагнула к медсестре, почти нарушая её личное пространство.

— В карте значится Петрова Антонина Петровна. А что? Вы её знаете?

«Петрова». Какая дешевая, банальная ложь.

— Нет, просто... она очень похожа на одну мою знакомую. Очень.

— В нашем возрасте все на кого-то похожи, — отрезала Нина Сергеевна. — Вот

документы. Проверьте паспортные данные для запроса в соцзащиту. У неё

возникли проблемы с пенсионными начислениями.

Я взяла папку. Пальцы не слушались. Перед глазами всё плыло. Я видела фамилию

«Петрова», видела дату рождения — она совпадала с датой рождения моей

свекрови день в день. Только год был исправлен.

Марк. Мой честный, принципиальный Марк.

Я посмотрела в окно снова. Антонина Васильевна — я больше не сомневалась, что

это она — подняла руку и начала медленно чертить пальцем по стеклу

застекленной веранды, к которой её подвез санитар. Буква «М». Потом

«А».

Марик.

Меня едва не вырвало прямо там, на дорогой ковролин.

Пятнадцать лет брака. Двенадцать лет фальшивых слез на кладбище. Двенадцать лет

венков, поминальных обедов и рассказов о том, как «мачочка любила лилии». Всё

это время он держал её здесь. Под чужим именем. Живую. Одинокую. Стертую из

реальности.

— Мне нужно... мне нужно в туалет, — пробормотала я, не дожидаясь ответа, и

почти побежала по коридору.

Я нашла туалетную комнату, заперлась в кабинке и опустилась на крышку унитаза.

Тело сотрясала крупная дрожь. Я закрыла рот руками, чтобы не завывать.

Перед глазами стоял Марк. Его холодное лицо в ресторане. Его рука на моей шее,

примеряющая бриллиантовое кольцо. «Ты — мой единственный надежный тыл».

Господи, какой же я была душой. Какой слепой, удобной, пластилиновой

куклой в его руках.

Я вспомнила, как он убеждал Дениса, младшего брата, уехать. Денис ведь рвался к

матери, он хотел быть рядом, когда ей стало плохо. Но Марк сказал, что врачи

запретили. А потом — звонок ночью. «Мамы больше нет, Денис. Не приезжай, я

всё устрою сам, тебе будет слишком тяжело».

Он лишил сына матери, а мать — сыновей. Ради чего? Ради квартиры в центре? Ради

того, чтобы она не мешала его карьере своим «неудобным» характером?

Я достала телефон. Руки так дрожали, что я едва не выронила его. Мне хотелось

позвонить Марку и закричать. Спросить, как он мог. Как

он спал со мной в

одной постели все эти годы, зная, что в десяти километрах от нашего дома в

запертой комнате увядает его собственная мать?

Но я не позвонила. Что-то холодное, незнакомое раньше, зародилось внутри меня.

Это была не просто ярость. Это был инстинкт самосохранения. Если Марк способен

на такое с родной матерью, то кто я для него? Вещь. Предмет интерьера. Функция.

И если функция сломается, он так же легко «похоронит» и меня.

Я заставила себя встать. Умылась ледяной водой, глядя в зеркало на женщину,

которую больше не узнавала. Глаза лихорадочно блестели, на щеках горел

нездоровый румянец.

— Соберись, Инна, — прошептала я своему отражению.
— Сейчас нельзя сорваться.

Через час он приедет за тобой. Вы поедете на кладбище. К пустой могиле.

Я вышла из туалета и вернулась к Нине Сергеевне. Та продолжала что-то писать в

журнале.

— Вот, я всё проверила, — я положила папку на стол. — Завтра мы пришлем курьера

с уточненными формами. Скажите... а директор пансионата сегодня будет?

— Артем Игоревич на выезде в министерстве. Будет завтра с девяти. А зачем он

вам? Все вопросы по волонтерству решаются через меня.

— Да, конечно. Просто хотела лично поблагодарить за условия. У вас очень...

профессионально.

Я вышла из здания пансионата, чувствуя, как свежий лесной воздух обжигает

легкие. Микроавтобус уже ждал. Я залезла внутрь, заби-
лась в самый угол и

закрыла глаза.

В голове пульсировала одна и та же сцена: Марк кладет лилии на гранитную плиту.

Он скорбит. Он так убедителен в своей скорби, что даже камни верят ему.

Я вспомнила визитку, которую мельком видела на столе в администрации. «Артем

Игоревич Волков. Директор». Я успела запомнить номер. Не знаю зачем, но этот

номер казался мне сейчас единственной соломинкой в океане лжи, в который я

погружалась.

Когда я вернулась в волонтерский центр, Галина Петровна всплеснула руками: —

Инночка, на тебе лица нет! Что там, совсем всё плохо в этом «Кедре»? Старики

заброшены?

— Нет, Галина Петровна. Там всё очень... дорого. Просто я, кажется, перегрелась

на солнце.

Я вызвала такси и поехала домой. Мне нужно было успеть.
Успеть надеть черное

платье. Успеть натянуть на лицо маску идеальной жены.
Успеть подготовиться к

самому главному спектаклю в моей жизни.
Заходя в квартиру, я услышала голос Марка из гостиной.
Он говорил с кем-то по

телефону, и его тон был мягким, почти нежным.
— Да, дорогая, я уже дома. Жду Инну. Мы съездим на
кладбище, это не займет много

времени. Вечером я буду свободен. Да, я тоже скучал.
Я замерла в прихожей, прижавшись спиной к холодной
стене.

«Дорогая».

Мир, который и так трещал по швам, окончательно рух-
нул. У него была другая. И он

ждал, когда я, его «идеальная жена», закончу ритуал по-
клонения его лжи, чтобы

уйти к той, с кем он был настоящим.

Я медленно сняла туфли. Сердце билось где-то в горле. В

ЭТОТ МОМЕНТ Я ПОНЯЛА: Я

не просто спасу Антонину Васильевну. Я уничтожу всё, что Марк строил эти

пятнадцать лет. Каждую кирпичную кладку его благополучия. Каждый

миллиметр его контроля.

— Инна? Это ты? — Марк вышел в коридор. Он уже был в черном костюме. Строгий,

печальный, безупречный. — Ты опоздала на пятнадцать минут. Иди переодевайся,

машина внизу. Лилии уже в багажнике.

Я посмотрела на него. Теперь я видела не мужа. Я видела чудовище с лицом

греческого бога.

— Иду, Марк, — ответила я, и мой голос был на удивление ровным. — Только приведу

себя в порядок. Сегодня такой важный день. Двенадцать лет. Нужно, чтобы всё было

идеально.

Он кивнул, удовлетворенный моим ответом, и вернулся в кабинет.

Я зашла в спальню, закрыла дверь и прислонилась к ней лбом.

В моей сумочке лежал блокнот, где на первой странице я нацарапала номер Артема.

Директора «Кедра».

«Возвращение с небес будет громким, Марк», — подумала я, открывая шкаф с черными

платьями. — «Обещаю, ты запомнишь этот день на всю оставшуюся жизнь».

Глава 4

Замок на спине черного платья поддался не сразу. Металлический бегунок застрял

на полпути, и я дернула его с такой силой, что чуть не порвала плотную ткань.

Платье сидело как вторая кожа — строгое, глухое, идеальное для того спектакля,

в котором мне предстояло сыграть главную женскую роль. Я стояла перед зеркалом в полный рост и смотрела на свое отражение. На меня

глядела незнакомка. Бледное лицо, темные провалы глаз, жестко сжатые губы.

Где та женщина, которая еще утром искренне верила в незыблемость своего брака?

Ее больше не существовало. Она умерла там, в светлом коридоре частного

пансионата, когда санитар вывез на веранду старушку в

сером кардигане.

В ушах, перекрывая гул крови, монотонно крутилась одна и та же фраза. «Да,

дорогая, я уже дома. Жду Инну... Я тоже скучал».

Голос Марка. Тот самый баритон, который всегда действовал на меня как

успокоительное, теперь звучал как приговор. У него была другая

женщина. Кто она? Как давно это длится?

Но самое страшное заключалось в том, что измена мужа — банальная, пошлая,

грязная — меркла на фоне того чудовищного открытия, которое я сделала в

«Кедре». Любовница — это предательство тела. А то, что он сделал со своей

родной матерью — это ампутация души.

Я оперлась ладонями о туалетный столик. Дерево под пальцами было прохладным, но

меня бросало в жар.

Двенадцать лет. Четыре тысячи триста восемьдесят дней
Антонина Васильевна

провела в запертой палате под чужим именем. Пока мы
ездили в отпуск на

Сейшелы, пока Марк покупал мне бриллианты, пока он
произносил красивые тосты

на юбилеях компании о «семейных ценностях» — его
мать смотрела в забранное

решеткой окно.

Я зажмурилась, отгоняя подступающую тошноту. Вспом-
нился день похорон. Закрытый

гроб красного дерева. Тяжелый запах ладана. Денис,
младший брат Марка, который

тогда не успел на рейс из-за какой-то подстроенной пута-
ницы с билетами, и Марк,

сжимающий мою ладонь. Я помню его лицо в тот день:
суровое, мужественное лицо

человека, понесшего невосполнимую утрату. Он не про-

ронил ни слезы, и я тогда

восхищалась его силой.

Оказалось, я восхищалась профессиональным лицедеем.
Социальным психопатом,

который методично устранил неудобного человека.

Щелкнула ручка двери. Я мгновенно выпрямилась, натягивая на лицо маску

спокойствия.

Марк шагнул в спальню. На нем был черный костюм, сшитый на заказ, и белоснежная

рубашка. Ни единой пылинки. Ни одной лишней складки.
Идеальный скорбящий сын.

— Ты готова? — Он подошел сзади, его руки легли мне на плечи.

Мои мышцы мгновенно окаменели. Его прикосновение, еще вчера казавшееся мне

символом защиты, сегодня ощущалось как прикосновение рептилии. Я

почувствовала запах его парфюма — сандал и горький цитрус. Тот самый

запах, который он, вероятно, оставлял на подушках своей «дорогой».

— Да, почти, — мой голос прозвучал суше, чем я ожидала. Я сделала вид, что

поправляю прическу, и аккуратно выскользнула из-под его рук. — Просто

пытаюсь справиться с головной болью. Наверное, реакция на погоду.

Марк внимательно посмотрел на меня. Его взгляд, цепкий и сканирующий, скользнул

по моему лицу. В его системе координат любая моя болезнь или слабость была

досадной помехой.

— Выпей таблетку. Нам нельзя опаздывать, — сухо распорядился он. — Журналисты из

профильных изданий могут быть на центральной аллее. Я не хочу, чтобы моя жена

выглядела так, будто не спала неделю. Скорбь должна быть светлой, Инна.

Я кивнула, опустив глаза. — Конечно. Я сейчас приду.

В этот момент в кармане его пиджака завибрировал телефон. Марк достал аппарат,

взглянул на экран, и его лицо мгновенно изменилось. Светлая скорбь исчезла,

уступив место хищному оскалу.

— Савельев, — процедил он в трубку, разворачиваясь к выходу. — Если через десять

минут протоколы безопасности по объекту «Север» не лягут мне на почту, ты

пойдешь работать охранником в супермаркет. Я ясно выражаюсь?

Он вышел из спальни, направляясь в сторону застекленной лоджии в конце коридора.

Тяжелая дверь плотно закрылась за ним, отсекая звуки его яростного монолога.

Я осталась одна. Сердце колотилось так сильно, что отдавалось в висках.

Марк всегда запирает свой кабинет на электронный замок, интегрированный в систему

умного дома. Но сейчас, в суете утренних сборов и внезапного звонка, он только

что вышел оттуда.

Это был шанс. Крошечный, безумный шанс.

Я сбросила туфли на каблуках, чтобы не издать ни звука, и босиком выскользнула в

коридор. Лоджия находилась слева — я видела через стекло спину мужа, который

активно жестикулировал, отчитывая подчиненного. Дверь в кабинет находилась

справа. Она была приоткрыта на пару миллиметров. Полоска света падала на

паркет.

Я толкнула деревянное полотно и скользнула внутрь.

Кабинет Марка был похож на операционную. Никаких личных безделушек, никаких

семейных фотографий. Только функциональность. Массивный стол из темного

дуба, кожаное кресло, стойка с мониторами, которые сей-

час находились в

спящем режиме. В воздухе висел слабый запах полироли и дорогого табака.

Я подошла к столу. Дыхание перехватывало. Если он войдет сейчас, мне не

оправдаться. Он слишком умен, чтобы поверить в случайность.

Нижний правый ящик. Я знала, что там он хранит текущую документацию, которую

предпочитает не доверять облачным серверам. Марк всегда говорил: «Цифру

можно взломать. Бумагу можно только сжечь».

Я потянула за ручку. Заперто.

Отчаяние обожгло горло. Конечно, заперто. Это же Марк.

Я начала лихорадочно осматривать стол. На кожаном буфете лежала его перьевая

ручка, ежедневник и связка запасных ключей от машин. А под ежедневником

виднелся край плотного картона.

Я осторожно приподняла тяжелый блокнот.

Это была черная папка без логотипов. В правом верхнем углу белым маркером было

выведено: «Объект К-12».

Пальцы онемели. К-12. Пансионат «Кедр».

Я открыла обложку. Первым лежал акт выполненных работ от ООО

«Гарант-Безопасность». Я знала эту фирму — это была одна из

дочерних структур корпорации Марка, через которую он проводил закупки

оборудования.

Текст акта гласил: «Оплата услуг по специальному содержанию объекта. Получатель:

Частный пансионат "Кедр". Сумма: 350 000 рублей. Пациент: Петрова А.В. Статус:

Закрытый режим».

Триста пятьдесят тысяч в месяц. За эти деньги можно было обеспечить пожилому

человеку королевскую старость на берегу океана. А Марк

платил их за то,

чтобы его мать никогда не увидела неба без решеток.

Я перевернула страницу. Под актом находились медицинские выписки. Строгий

машинописный текст пестрел терминами, значения которых я понимала

благодаря волонтерской практике. «Галоперидол», «Аминазин», «угнетение

когнитивных функций», «медикаментозная седация».

Они пичкали её тяжелейшими нейролептиками. Женщину, у которой изначально не было

никаких психических отклонений. Они искусственно превращали её в овощ, чтобы

оправдать диагноз, который Марк купил двенадцать лет назад.

Слеза, горячая и злая, капнула на край документа. Я поспешно смахнула её, боясь

оставить след на бумаге.

В самом конце папки лежал лист, отличающийся от

остальных. Это была распечатка

электронного письма.

«Марк Анатольевич. Я ознакомился с картой пациентки Петровой А.В. (бокс 12).

Назначенная схема лечения не соответствует ее реальному анамнезу. Препараты

вызывают необратимые изменения. Я требую проведения независимой психиатрической

комиссии и полной отмены нейролептиков в течение недели. В противном случае я

буду вынужден обратиться в надзорные органы, несмотря на статус вашего

финансирования. А.И. Волков. Директор пансионата "Кедр"».

Ниже шел ответ, отправленный с личного защищенного адреса Марка: «Артем

Игоревич. Вы занимаете свое кресло ровно до тех пор, пока соблюдаете

условия нашего договора. Пациентка нестабильна и опасна для себя. Отмена

препаратов исключена. Любая попытка вынести ситуацию за пределы пансионата

закончится для вас отзывом лицензии и уголовным делом по факту халатности,

которое я лично инициирую. Соблюдайте протокол».

Я смотрела на этот текст, распечатанный на плотном листе, и чувствовала, как внутри пульсирует отчаянная надежда. Артем Волков. Директор, которого я вчера так и не застала. Я даже не знала, как он выглядит, но теперь понимала главное: он единственный пытался бороться. Он видел, что Антонину Васильевну убивают, и не побоялся пойти против системы Марка, рискуя своей должностью и свободой.

Я вспомнила визитку, лежавшую на столе у медсестры Нины. Как хорошо, что вчера, повинуясь какому-то необъяснимому инстинкту, я нацарапала этот номер на первой странице своего волонтерского блокнота. Вчера это был просто номер телефона. Сегодня — это был мой единственный спасательный круг.

Скрипнула ручка двери на лоджии.

Я вздрогнула так, что едва не выронила папку. Звук голоса Марка стал громче — он

возвращался.

Паника ударила в голову с силой кувалды. Секунда на то, чтобы захлопнуть черную

обложку. Вторая — чтобы сунуть её точно под ежедневник, выровняв края с

маниакальной точностью.

Я отскочила от стола, лихорадочно соображая. Выбежать в коридор я не успею — он

столкнется со мной на пороге.

Я схватила с полки первую попавшуюся книгу, сделала шаг к окну и развернулась к

двери в тот момент, когда Марк перешагнул порог кабинета.

Он замер. Его телефон все еще был зажат в руке. Взгляд, которым он окатил меня,

мог бы заморозить океан.

— Что ты здесь делаешь, Инна? — Его тон был абсолютно ровным, но от этой

ровности по спине поползли мурашки. Марк никогда не

повышал голос, когда

был в ярости. Он переходил на шепот.

Я заставила себя дышать ровно. Мышцы лица сложились в виноватую, покорную улыбку

— ту самую, которую он привык видеть последние пятнадцать лет.

— Прости, Марк. Я искала аспирин. У меня так разболелась голова, а в ванной

аптечка оказалась пустой. Я подумала, может, у тебя в столе завалился

блистер.

Он медленно опустил телефон. Его глаза ощупывали меня, скользили по моим рукам,

по книге, которую я судорожно прижимала к груди. Это было издание Сунь-Цзы

«Искусство войны». Я мысленно прокляла свою удачу.

— Аспирин лежит в верхнем ящике на кухне. Ты прекрасно это знаешь, — произнес

он, делая шаг ко мне. — В моем кабинете нет лекарств.

Только работа.

— Я просто растерялась, — мой голос дрогнул, и это было даже на руку. Я

изобразила испуг жены, которая нарушила негласное правило мужа-тирана.

— Переволновалась перед кладбищем. Все эти воспоминания...

Марк остановился в полуметре от меня. Он протянул руку и аккуратно забрал у меня

книгу. Поставил её на полку, точно на то же место.

— Идем на кухню, — смягчился он, видимо, решив, что я действительно просто

глупая, сентиментальная женщина, потерявшая ориентацию от горя. — Я дам

тебе таблетку. И мы поедем.

Он пропустил меня вперед. Я шла по коридору, чувствуя спиной его тяжелый взгляд.

Казалось, он видит сквозь платье, как колотится мое сердце, как по позвоночнику

стекает холодный пот.

На кухне Марк достал из навесного шкафчика стакан, налил фильтрованной воды и

выдавил из блистера белую капсулу.

— Выпей. Это снимет спазм.

Я посмотрела на таблетку в его ладони. Вчера я бы проглотила её не задумываясь.

Сегодня я видела в ней яд. Человек, который накачивает мать галоперидолом,

чтобы держать её в подчинении, может дать своей жене всё что угодно.

— Спасибо, любимый, — прошептала я.

Я взяла капсулу, положила её на язык и сделала большой глоток воды. Марк

удовлетворенно кивнул и отвернулся, чтобы поставить стакан в раковину. В

ту же секунду я выплюнула полурастворившуюся таблетку в ладонь и спрятала в

карман платья.

— Полегчало? — спросил он, поворачиваясь.

— Да. Думаю, минут через десять подействует. Я готова ехать.

— Отлично. Бери сумочку.

Мы спустились на подземный паркинг молча. Эхо наших шагов отскакивало от

бетонных стен. Я смотрела на профиль своего мужа. Выверенные черты лица,

волевой подбородок, идеальная осанка. Монстр в безупречной упаковке.

Он открыл передо мной пассажирскую дверь своего черного «Мерседеса».

Я села в салон и сразу почувствовала тяжелый, удушливый аромат. На заднем

сиденье лежали огромные венки и два пышных букета белых лилий. Тех самых,

которые так любила Антонина Васильевна.

Марк сел за руль, завел двигатель и положил свою большую ладонь на мое колено.

— Тяжелый день, — произнес он с легкой грустью в голосе. — Но мы справимся. Как

всегда. Вместе.

— Вместе, Марк, — эхом отозвалась я, глядя прямо перед собой.

В моей сумочке, в потайном кармане, лежал блокнот. На его первой странице был торопливо записан номер Артема Игоревича Волкова. Человека, который отказался подчиняться моему мужу. Незнакомца, в руках которого теперь находилась жизнь моей свекрови. И моя собственная.

Машина плавно выехала с паркинга, вливаясь в поток утреннего города. Впереди нас

ждал Городской некрополь. Элитный сектор, ряд номер три. Гранитный памятник, под

которым лежала пустота.

Двенадцать лет Марк возил меня туда, заставляя оплакивать камень. Двенадцать лет

он упивался своей властью, наслаждаясь моей слепой верой.

Я скосила глаза на букет лилий, отражающийся в зеркале заднего вида. Белые

лепестки казались восковыми, неживыми.

«Ты заплатишься за это, Марк», — пообещала я про себя, чувствуя, как внутри

разгорается холодное, расчетливое пламя. — «Ты попла-
тишься за каждую слезу.

За каждый укол, который сделали твоей матери. За свою
"дорогую", с которой ты

разговаривал полчаса назад. За мою загубленную жизнь».
Спектакль начался. Но теперь я знала сценарий. И финал,
который я для него

приготовлю, станет самым большим сюрпризом в идеаль-
ной жизни начальника

службы безопасности.
— Включи музыку, пожалуйста, — попросила я, отвора-
чиваясь к окну. — Что-нибудь

тихое.
Марк нажал кнопку на панели, и салон наполнился клас-
сической инструментальной

мелодией. Он был доволен. Его жена была покорна, его
планы безупречны, его

секреты надежно спрятаны.
Он даже не подозревал, что везет на кладбище не скорбя-

щую супругу.

Он вез туда своего палача.

Глава 5(Марк)

(от лица Марка)

Салон моего «Мерседеса» был насквозь пропитан густым, почти осязаемым ароматом

белых лилий. Этот запах всегда ассоциировался у меня не со скорбью, а с

триумфом. Запах идеально исполненного плана. Запах абсолютной власти над

обстоятельствами, которые сломали бы любого другого человека.

Я плавно вел машину по утреннему проспекту, изредка бросая взгляд на Инну в

зеркало заднего вида. Она сидела рядом на пассажирском сиденье,

отвернувшись к окну. Строгий профиль, безупречная осанка, черное

платье, плотно облегающее фигуру. Никаких лишних движений, никакой суеты.

Идеальная жена. Моя лучшая инвестиция в собственный имидж.

Таблетка, которую я дал ей перед выходом, видимо, уже начала действовать. Её

плечи чуть расслабились, а дыхание стало более ровным. Женщины слишком

эмоциональны, их нервная система — это хаотичный набор импульсов, который

нуждается в жесткой калибровке. Я калибровал жизнь Инны пятнадцать лет, защищая

её от грязи внешнего мира, от ненужных потрясений, от её собственной слабости.

Кто-то назвал бы это тиранией. Я называл это заботой.

Телефон в кармане пиджака молчал. Савельев знал, что во время моих визитов на

кладбище меня можно беспокоить только в случае ядерной войны или обвала акций

холдинга. Все остальные проблемы могли подождать. Утренняя суeta с отчетами по

объекту «Север» была лишь мелкой рябью на поверхности моего идеально ровного

озера.

А вот утренний звонок от Алисы... Я чуть заметно усмехнулся, вспоминая бархатистый

голос в трубке. Алиса не была угрозой моему браку. Она была функцией. Дорогой,

красивой, покладистой функцией, которая обеспечивала мне ту степень животного

расслабления, какую Инна, с её врожденной правильностью и холодноватой

нежностью, дать не могла. Инна — это фасад моего замка, мраморные

колонны и парадный вход. Алиса — скрытая комната отдыха. Умный архитектор

никогда не путает эти два пространства.

Мы свернули на широкую аллею, обсаженную многолетними платанами. Впереди

показались кованые ворота Городского некрополя. Это было не просто

кладбище, а выставка тщеславия для тех, кто и после смерти хотел

подчеркнуть свой статус. Третий сектор, где покоилась пустая коробка с

надписью «Антонина Васильевна Мельникова», был элитным. Земля здесь стоила

дороже, чем квартира в центре спального района.

Я притормозил у шлагбаума. Охранник, узнав мои номера, торопливо нажал кнопку,

почтительно приложив руку к козырьку. Я даже не кивнул в ответ. Это было

излишне. Уважение покупается один раз, а страх нужно поддерживать

постоянно.

Остановив машину на гостевой парковке, вымощенной ровной брусчаткой, я вышел и

открыл заднюю дверь, чтобы достать цветы. Два тяжелых снопа безупречных лилий.

— Пойдем? — я обошел машину и подал Инне руку.

Она вложила свои пальцы в мою ладонь. Они были ледяными, несмотря на теплое

майское утро.

— Ты замерзла? — спросил я, слегка сжав её кисть, демонстрируя ту самую

поддерживающую заботу, которую она так ценила.

— Нет, Марк. Просто... каждый раз, когда мы приезжаем сюда, мне кажется, что время

возвращается назад, — её голос прозвучал глухо, словно через слой ваты.

— Двенадцать лет, Инна. Раны затягиваются, остается только светлая память, —

произнес я заученную фразу, которая всегда работала безотказно.

Мы пошли по гравийной дорожке. Вокруг возвышались помпезные склепы, ангелы из

каррарского мрамора и гранитные плиты размером с хо-

роший бильярдный стол.

Тишина здесь была купленной. Дорогой, вычищенной от криков ворон и

случайного мусора.

Пока мы шли к нашему участку, я позволил себе легкое, почти физическое

удовольствие от воспоминаний о том, как гениально я всё провернул

тогда.

Мне было тридцать. Отец оставил после себя руины бизнеса и карточные долги

Дениса. Мать, вместо того чтобы поддержать меня, начала сходить с ума от

праведного гнева. Она грозилась пойти в полицию, передать им черную

бухгалтерию отца, чтобы «искупить грехи семьи». Она была готова

пустить по ветру те крохи, которые я чудом успел вывести

в офшоры, и

посадить моего непутевого младшего брата.

Я не мог этого позволить.

Медицинское заключение обошлось мне в стоимость хорошего немецкого внедорожника.

Заведующий частной психиатрической клиникой с удовольствием диагностировал у нее

быстропрогрессирующую деменцию с эпизодами острой агрессии. Но этого было мало.

Пока она была жива юридически, она оставалась бомбой замедленного действия.

Решение с похоронами пришло спонтанно. Пожар на старой заброшенной даче в

области. Неопознанное женское тело — бродяжка, которых десятками привозят

в морги. Корруптированный судмедэксперт, который за солидный чемодан наличных

подписал нужный акт опознания.

Закрытый гроб. Красное дерево. Мой младший брат Де-

нис, размазывающий сопли по

бледному лицу, когда я сказал ему, что мама сгорела, потому что забыла

выключить газ из-за своей болезни. Я тогда даже убедил Дениса, что это

отчасти его вина — ведь это из-за его долгов она так нервничала. Он сломался.

Уехал в Сибирь, раздавленный чувством вины, и больше не отвечивал.

А Инна... Инна стояла вот на этом самом месте, рыдала на моем плече и клялась, что

никогда меня не оставит.

Я перевел взгляд на жену. Она шла ровно, глядя прямо перед собой.

Мы подошли к участку. Черный габбро-диабаз, отполированный до зеркального

блеска. Участок был окружен низкой кованой оградкой, внутри — ни единой

соринки. Смотритель кладбища получал от меня щедрую

надбавку за то, чтобы

здесь всё выглядело идеально.

Я остановился перед плитой.

Спектакль начался.

Я опустил голову, позволяя плечам слегка поникнуть. Лицо приняло выражение

суровой, сдерживаемой мужской боли. Я знал, что Инна сейчас смотрит на

меня. Я всегда чувствовал её взгляд — полный сочувствия и любви.

— Здравствуй, мама, — негромко произнес я, шагнув к постаменту.

Я бережно, с выверенной медлительностью положил лилии на холодный камень.

Расправил зеленые листья так, чтобы белые бутоны эффектно контрастировали

с черным гранитом.

— Мы помним, — добавил я шепотом, выдерживая паузу, достойную театральной сцены.

Я повернулся к Инне и обнял её за плечи, привлекая к себе. Она прижалась ко мне,

но как-то странно. Раньше она всегда утыкалась лицом мне в грудь, ища защиты.

Сегодня она стояла прямо, как струна, опираясь на меня, но не расслабляясь.

Я списал это на стресс.

— Положи свои цветы, Инна, — мягко сказал я.

Она сделала шаг вперед. Её движения были медленными, почти механическими. Она

наклонилась и положила свой букет рядом с моим. Я наблюдал за ней,

наслаждаясь своей властью. Она скорбит по воздуху. По куску камня. По

моей выдумке. Я заставил её реальность прогнуться под мою волю. Разве это не

делает меня богом в рамках одной отдельно взятой семьи?

Инна долго не отходила от плиты. Она смотрела на выгравированный портрет матери

— ту самую фотографию, которую я выбрал. Антонина Васильевна смотрела с камня

мудро и печально.

— Знаешь, Марк... — вдруг нарушила тишину Инна. Её голос прозвучал ровно, без

привычной слезной дрожи. — Я сегодня думала о том дне. О том, как всё это

произошло.

— Не стоит ворошить прошлое, милая. Это лишняя боль, — я попытался снова

приобнять её, но она неувловимым движением плеча сбросила мою руку и

повернулась к камню.

— Я просто пытаюсь понять одну вещь, — она подняла руку и провела указательным

пальцем по золотым цифрам, выбитым под портретом. — Я прекрасно помню день,

когда ты приехал и сказал, что мамы больше нет. Это было за месяц до нашей

третьей годовщины. Четырнадцатого сентября. Мы как

раз выбирали путевки в

Италию, когда тебе позвонили.

Я внутренне напрягся, но лицо осталось бесстрастным.

— Да, всё верно. Четырнадцатого сентября. Это был чер-
ный день.

— Тогда почему, Марк, — Инна повернула голову и по-
смотрела мне прямо в глаза. В

её взгляде не было ни слез, ни горя. Там было нечто, на-
поминающее ледяную воду.

— Почему на памятнике выбито «пятое октября»?

Воздух в легких на секунду замерз.

Я посмотрел на плиту. Золотая гравировка: «1958 —
05.10.2014».

Я знал причину. Чертов бюрократический механизм. Суд-
медэксперт, который оформлял

«сгоревшее тело», ушел в запой, и свидетельство о смерти
было выписано задним

числом, когда я уже успел объявить семье о трагедии. Что-
бы бумаги сошлись для

вступления в наследство, официальной датой смерти ста-

ло пятое октября.

Гравировщик перенес дату из свидетельства о смерти, которое

предоставил мой юрист. Когда памятник установили, я заметил ошибку,

но менять не стал. Зачем? Никто никогда не вчитывается в цифры на кладбищах.

Тем более Инна, которая всегда заливалась слезами еще на подходе к аллее.

До сегодняшнего дня.

— Ошибка резчика, — я ответил спокойно, не моргнув и глазом. Уголки моих губ

дрогнули в печальной полуулыбке. — Я заметил это только в день установки.

Знаешь, я был так вымотан организацией похорон, судами с кредиторами отца... У

меня просто не было сил заставлять их переделывать плитку. Да и какая разница

камню? Главное, что дата правильная в моем сердце.

Я смотрел на неё, ожидая привычного кивка. Ожидая, что её глаза наполнятся

слезами сочувствия к моему тогдашнему состоянию.

Но Инна не отвела взгляд. Она смотрела на меня в упор, и её зрачки были

расширены.

— Ошибка резчика, — медленно, по слогам повторила она, словно пробуя эти слова

на вкус. — Конечно. Как я сама не догадалась. В твоём идеальном мире тоже

случаются ошибки.

Тон был ровным, но под ним скрывался какой-то незнакомый мне подтекст. Сарказм?

Откуда у Инны сарказм? Она никогда не позволяла себе иронии в мой адрес, тем

более в таком месте.

— Пойдем к машине, — я взял её под локоть. На этот раз жестко. Мои пальцы

впились в её руку чуть сильнее, чем требовала ситуация.
— Здесь душно.

Таблетка явно не справляется с твоей мигренью.
Она послушно пошла за мной, не сопротивляясь моему давлению.

Мы шли по аллее обратно к парковке, и впервые за пятнадцать лет я почувствовал

легкий, едва ощутимый укол тревоги.
Она обратила внимание на дату. Спустя двенадцать лет.
Вчера её машина простояла

сорок минут в зоне покрытия пансионата «Кедр». Сегодня утром она зачем-то зашла

в мой кабинет, неуклюже оправдываясь поиском аспирина.

Мой мозг, привыкший анализировать угрозы, начал выстраивать новую логическую

цепочку.

Совпадение? Я не верю в совпадения.

Если она была возле «Кедра»... Если она каким-то образом увидела... Нет, это

исключено. Территория закрыта, охрана проинструктирована. Артем Игоревич

— дурак с обостренным чувством справедливости, но он боится меня до дрожи в

коленках. Он не пустил бы постороннюю к объекту К-12. Тем более мою жену.

Но почему она смотрела на меня так, словно видела впервые? Где та слепая

преданность, к которой я привык?

Я открыл перед ней дверцу машины. Она села, аккуратно поправив подол черного

платья.

Когда я обошел капот и сел за руль, мой телефон коротко пискнул. Я достал

аппарат. Сообщение в защищенном мессенджере от Савельева.

«Марк Анатольевич. Протоколы по "Северу" у вас на почте. И еще одна деталь. Вы

просили мониторить активность Артема Волкова из "Кедра". Сегодня утром он

запрашивал через свои каналы в Минздраве правила перевода пациентов с

закрытым режимом содержания под опеку родственников. Мне заблокировать

запрос?»

Я смотрел на светящийся экран, и куски мозаики с оглушительным хрустом начали

складываться в единую картину.

Артем ищет способы перевода. Инна задает вопросы о датах. Инна рылась в моем

кабинете, где в папке лежала переписка с Волковым.

Я медленно перевел взгляд на жену. Она смотрела в боковое стекло, её лицо было

безмятежным, как гладь замерзшего пруда.

Она знает.

Моя тихая, домашняя, сломанная Инна. Она каким-то образом узнала, что моя мать

жива.

Волна холодного, концентрированного бешенства подня-

лась от живота к горлу. Мне

захотелось ударить кулаком по рулю, заорать, вытрясти из неё правду прямо

здесь, на парковке кладбища.захотелось схватить её за тонкую шею, на

которой еще вчера сверкали мои бриллианты, и напомнить, кому она

принадлежит.

Но я — Марк Мельников. Я не поддаюсь эмоциям. Эмоции — это удел слабых. Удел

таких, как моя мать.

Я глубоко вдохнул запах лилий, который всё еще стоял в салоне, и заблокировал

двери центральным замком. Щелчок прозвучал в тишине как звук взводимого

курка.

Инна вздрогнула и повернула ко мне голову.

— Мы едем домой? — спросила она.

— Конечно, дорогая, — я растянул губы в улыбке, от ко-

торой у моих подчиненных

обычно стыла кровь в жилах. — Поедем домой. Тебе нужно отдохнуть. А мне нужно

решить одну небольшую кадровую проблему. Кажется, некоторые люди забыли, кто

платит им зарплату.

Я завел двигатель. «Мерседес» плавно тронулся с места, увозя нас прочь от

фальшивой могилы.

Спектакль не закончился. Он только перешел в новый акт. Инна решила поиграть со

мною в тайны? Что ж, она выбрала не того противника. Я создавал эту реальность,

и я же её уничтожу, если потребуется.

Никто не смеет выходить из-под моего контроля.

Я нажал на газ, глядя на ровную серую ленту дороги. В моей голове уже начал

формироваться план. Если директор пансионата решил стать героем, а моя жена

— спасительницей, я преподам им урок, который они не забудут до конца своих

коротких, жалких жизней.

Мать останется в «Кедре». А для Инны я построю новую клетку. Стеклянную,

красивую, звуконепроницаемую.

И на этот раз я ключа ей не оставлю.

Глава 6

Щелчок замка входной двери прозвучал как выстрел стартового пистолета. Марк ушел

в офис. Его прощальный поцелуй в щеку был сухим и обжигающе холодным, а фраза

«отдохни, вечером нам нужно серьезно поговорить» не оставляла сомнений:

таймер запущен. Он сложил факты. Он понял, что я задаю неправильные

вопросы, и теперь моя жизнь в этой идеальной квартире превратится в

осаду.

Я прислонилась спиной к прохладным обоям в прихожей, выжидая, пока стихнет гул

лифта в шахте. Затем бросилась в спальню.

Черное платье, в котором я только что играла роль скорбящей вдовы при живой

свекрови, полетело на пол. Я стянула с себя тугое белье, сорвала шпильки,

освобождая волосы. Кожа горела. Мне казалось, что на мне всё еще оседает

невидимая могильная пыль, смешанная с фальшивым запахом лилий.

Я подошла к туалетному столику и посмотрела на свой смартфон. Последняя модель,

подарок Марка на Восьмое марта. Идеальный жучок, который всегда со мной. Я

выключила аппарат, достала из ящика стола старую кожаную сумку, с которой

ходила еще до того, как муж запретил мне «выглядеть как студентка», и

переложила туда наличные — те самые крохи, которые я тайком откладывала

из волонтерских командировочных. Никаких банковских карт. Никаких умных часов.

Я надела простые джинсы, светлый свитшот и кроссовки.

Отражение в зеркале больше

не напоминало жену начальника службы безопасности.
Оттуда на меня смотрела

женщина, которой нечего терять.

До волонтерского центра я добралась на перекладных,
сменив два маршрутных такси.

Майское солнце заливало улицы, город жил своей обычной,
суетливой жизнью, не

подозревая, что мой личный мир рушится с оглушительным
треском.

В офисе пахло старой бумагой и дешевым растворимым кофе.
Галина Петровна, наш

координатор, подняла на меня удивленный взгляд поверх
очков.

— Инночка? Ты же отпрашивалась на весь день. Поминки,
годовщина...

— Всё отменилось, Галина Петровна, — я заставила себя
улыбнуться, хотя мышцы

лица сопротивлялись. — Марка срочно вызвали на объект,
а мне дома стены

дают. Дайте мне ключи от «Ларгуса». Я отвезу исправленные бланки в «Кедр».

Вчера там была ошибка в кодах соцзащиты.

Она покачала головой, сочувственно цокнув языком. —
Золотая ты наша. Бери,

конечно. Только аккуратнее, там на лесной дороге асфальт сняли, трясет

страшно.

Через десять минут я уже крутила тугой руль служебного фургона. Старенькая

машина дребезжала всем кузовом, пахла бензином и пылью, но сейчас этот

запах казался мне ароматом абсолютной свободы. Марк отслеживал мой

«Мерседес», он контролировал мой телефон, но он никогда бы не подумал

искать свою «элитную» жену за рулем ржавого волонтерского корыта на разбитой

проселочной дороге.

Высокие сосны обступили трассу, погружая салон в зеленую полутьму. Пансионат

«Кедр» возник за поворотом неожиданно — темные деревянные фасады, огромные окна,

отражающие лес. Я припарковала фургон подальше от камер видеонаблюдения, в тени

раскидистого дуба, и пошла к центральному входу.

Внутри всё было так же, как вчера. Стерильная тишина, мягкие ковры, приглушенный

свет. За стойкой администрации сидела всё та же Нина Сергеевна. Увидев меня, она

недовольно поджала губы.

— Вы снова к нам? Документы можно было отправить курьером.

— Добрый день. Я не к вам, — мой голос прозвучал твердо, без вчерашней

растерянности. — У меня назначена встреча с Артемом Игоревичем.

— Директор не принимает без предварительной...

— Скажите ему, что приехала координатор волонтерской службы по поводу пациентки

из двенадцатого бокса. Петровой Антонины Васильевны,

— я намеренно сделала

акцент на отчестве, наблюдая, как дрогнул уголок глаза медсестры. — Он

поймет.

Нина Сергеевна смерила меня тяжелым взглядом, но сняла трубку внутреннего

телефона. Коротко бросив пару фраз, она указала ручкой в конец коридора:

— Последняя дверь налево.

Кабинет директора разительно отличался от стерильной операционной Марка. Здесь

царил рабочий хаос, в котором, однако, чувствовалась своя органичная система.

На массивном деревянном столе громоздились стопки медицинских карт, папки с

договорами, чертежи каких-то пристроек. Пахло свежесваренным черным кофе,

книжной пылью и хвоей из открытого настежь окна.

Человек, стоявший у окна спиной ко мне, обернулся.

Артему Волкову было около сорока пяти. Это тот самый возраст, когда мужчина либо

бронзовеет, превращаясь в памятник собственным амбициям, либо, наоборот, стирает

с себя всё наносное, оставляя лишь обнаженную суть. Артем относился ко второму

типу.

На нем была простая голубая рубашка с закатанными до локтей рукавами и

темно-серые брюки. Никаких запонок, никаких часов стоимостью в

квартиру. У него было лицо человека, который много работает на ветру:

мелкая сеточка морщин у глаз, чуть обветренная кожа и

короткий, едва заметный

шрам на подбородке. Но главное — это его взгляд. Спокойный, пронизательный,

тяжелый. Взгляд человека, который каждый день видит человеческую боль и не

отворачивается от нее.

— Слушаю вас, — произнес он. Голос у него был густой, с легкой хрипотцой. В нем

не было того металла, которым любил звенеть Марк.

— Артем Игоревич. Меня зовут Инна, — я сделала шаг вперед, закрывая за собой

дверь. Замок тихо щелкнул. — Вчера я была здесь. Я видела женщину в

инвалидном кресле. Ту, что числится у вас как Петрова Антонина

Петровна.

Он обошел стол и прислонился бедрами к столешнице, скрестив руки на груди. Его

лицо мгновенно закрылось, превратившись в непроницаемую маску.

— Инна... простите, не знаю вашего отчества. Как я уже объяснял вашему

руководству, пансионат «Кедр» соблюдает строжайшую конфиденциальность. Данные о пациентах закрытого блока не

подлежат обсуждению. Если у вас вопросы по финансированию — обращайтесь в

бухгалтерию.

Он лгал. Защищался, выстраивая бюрократическую стену. Я понимала его — он видел

во мне лишь любопытную сотрудницу соцзащиты, которая лезет не в свое дело.

— Я знаю, что её зовут не Петрова, — я подошла ближе, чувствуя, как колотится

сердце в груди. — И я знаю, что вы пытались отменить ей галоперидол. Я видела

ваше письмо.

Артем резко выпрямился. Его руки опустились вдоль тела, пальцы инстинктивно

сжались в кулаки. Воздух в кабинете внезапно стал плотным,

наэлектризованным.

— Откуда у вас эта информация? — его голос упал на октаву, превратившись в

угрожающий шепот. — Кто вы такая? Вас прислали из службы безопасности? Это

очередная проверка?

— Нет. Никто меня не присылал. Я пришла сама.

— Послушайте, — он шагнул ко мне, и я инстинктивно вскинула подбородок, не

отводя взгляда. — Я не знаю, на кого вы работаете и в какие игры играете.

Но если вы от Мельникова, передайте своему боссу: я не отступлюсь. Я подал

официальный запрос в Минздрав. Он не может держать здоровую женщину на

препаратах вечно. Даже с его связями. А теперь покиньте мой кабинет.

— Я ни на кого не работаю, Артем Игоревич.

Я замолчала на секунду, собирая в кулак всю свою смелость. Назад дороги не было.

Я стояла на краю пропасти, и этот незнакомый мужчина с уставшими глазами был

единственным мостом на ту сторону.

— Я — Инна Мельникова, — произнесла я, и мое имя в сочетании с этой фамилией

впервые в жизни показалось мне грязным ругательством.
— Я жена Марка. И

Антонина Васильевна — моя свекровь.

В кабинете повисла звенящая тишина. Слышно было лишь, как за окном ветер

перебирает сосновые ветки.

Артем смотрел на меня так, словно я внезапно заговорила на мертвом языке. Его

взгляд скользнул по моему лицу, спустился к простым

джинсам, к дешевой

волонтерской сумке, затем снова вернулся к глазам. Он искал подвох. Искал

в моих чертах хищный оскал моего мужа.

— Жена Мельникова? — медленно повторил он, словно взвешивая каждое слово. — Жена

человека, который платит за то, чтобы превратить собственную мать в бессловесное

растение? И вы пришли сюда... зачем? Передать мне угрозы лично? Или

проконтролировать качество исполнения услуг?
От его слов стало физически больно.

— Я пришла, потому что до вчерашнего дня была уверена, что она мертва, — мой

голос дрогнул, но я не позволила себе заплакать. — Пятнадцать лет брака.

Двенадцать из них я ходила на кладбище. Сегодня утром, два часа назад, Марк

заставил меня возложить лилии на пустую гранитную плиту. Он стоял и изображал

скорбь, а я знала, что она жива и находится здесь.

Артем нахмурился. Недоверие на его лице начало медленно сменяться чем-то другим.

Осторожным пониманием.

— Вы не знали, — констатировал он. Это был не вопрос.

— Я была слепой душой. Удобной декорацией в его идеальном мире, — я горько

усмехнулась. — Сегодня утром я пробралась в его кабинет. Нашла черную

папку с пометкой «Объект К-12». Нашла ваши требования об отмене препаратов.

Вы — единственный человек, Артем Игоревич, который не побоялся моего мужа.

Артем отошел к столу и тяжело опустился в кресло. Он потер переносицу длинными,

сильными пальцами. Я заметила, что на фаланге указательного пальца у него

темнеет застарелый шрам — след от какой-то тяжелой работы. Руки человека,

который строит, а не разрушает.

— Ваш муж — очень опасный человек, Инна, — наконец тихо произнес он, глядя на

меня снизу вверх. — Когда я вступил в должность полгода назад, мне передали

её карту. Я сразу понял, что диагноз липовый. Деменция так не протекает. Я

попытался снизить дозу нейролептиков, и Антонина Васильевна начала приходить

в себя. Она вспомнила свое имя. Вспомнила младшего сына Дениса. А потом приехали

люди из службы безопасности.

Он замолчал, его скулы напряглись.

— Что они сделали? — прошептала я.

— Они доходчиво объяснили мне, что если пациентка Петровой вдруг «выздоровеет»,

то в моем пансионате найдут наркотики, нарушения по-

жарной безопасности и

десяток трупов неучтенных стариков. А сама Антонина Васильевна будет

переведена в закрытый государственный интернат закрытого типа, откуда она

уже никогда не выйдет живой. Я отступил. Чтобы сохранить ей хотя бы те

условия, которые есть здесь. Но я продолжал бороться юридически.

— Вы рисковали всем ради чужой старушки.

Он поднял глаза, и в них блеснуло упрямое, почти яростное тепло. — В моем

пансионате нет чужих старушек, Инна. Здесь живут люди. А я не привык

торговать людьми.

Эти слова, сказанные просто и без пафоса, пробили брешь в моей броне. Я

почувствовала, как к горлу подкатывает горячий ком. Пятнадцать лет я

жила с человеком, для которого люди были лишь ресурсом. И теперь, стоя в этом

залитом солнцем кабинете, я впервые встретила того, кто измерял жизнь другими

категориями.

— Марк знает, что я догадалась, — произнесла я, чтобы скрыть дрожь в голосе. — Я

совершила ошибку. Задала на кладбище вопрос о нестыковке в датах. Он понял. Он

еще не знает, как много мне известно, но он уже захлопывает ловушку. Если я

вернусь домой вечером, я могу больше никогда оттуда не выйти. Он найдет

способ объявить сумасшедшей и меня. Тем более... он уже много лет тайно

травит меня таблетками, убеждая в бесплодии.

Артем резко подался вперед. Глаза его расширились от шока. — Что вы сказали? Он

травил вас?

— Гормональные блокаторы. Под видом витаминов. Я узнала об этом вчера, — я

обхватила себя руками за плечи, пытаясь унять внутреннюю дрожь. — Мой муж

— монстр, Артем Игоревич. И я собираюсь его уничтожить. Но мне нужна Антонина

Васильевна. Я должна вытащить её отсюда.

Артем поднялся. Он подошел ко мне вплотную. От него пахло кофе, свежими

документами и чем-то неуловимо надежным. Тем самым чувством

безопасности, которое я искала всю жизнь, но нашла в кабинете

незнакомца.

— Вы понимаете, что мы сейчас объявляем войну корпоративной службе безопасности?

— тихо спросил он. — Одно неверное движение, и он со-

трет нас в порошок.

— Я понимаю. Если вы боитесь, я уйду. Сделаю всё сама.

Он усмехнулся. Мягко, неожиданно тепло. И эта улыбка полностью преобразила его

лицо, сделав его моложе и светлее.

— Я перестал бояться, когда похоронил жену десять лет назад, Инна. С тех пор

меня сложно напугать начальниками в дорогих костюмах.

Он протянул руку и аккуратно, кончиками пальцев, коснулся моего локтя. Одно

мимолетное движение, но оно пустило по коже электрический разряд. В этом

прикосновении не было собственнического контроля Марка. В нем была поддержка.

— Вы приехали на своей машине? — деловито спросил он, отходя к столу и вырывая

чистый лист из блокнота.

— На служебном фургоне волонтерского центра. На нем нет GPS. Свой телефон я

оставила дома.

— Умница, — искренне похвалил он, и от этого простого слова внутри меня

распустился крошечный, но отчаянно теплый бутон надежды. — Значит, у

нас есть фора. Около нескольких часов, прежде чем он поднимет по тревоге

своих технарей и отследит камеры по трассе.

Артем быстро написал что-то на листе бумаги и протянул мне.

— Это мой личный номер. Не тот, что на визитках, а аппарат, который не

зарегистрирован на мое имя. Купите дешевый кнопочный телефон в любом

ларьке за наличные. Выходите на связь только с него.

Я взяла листок. Его почерк был стремительным, угловатым, живым.

— Что мы будем делать? — спросила я, пряча бумажку в карман джинсов.

— Я подготовлю Антонину Васильевну к транспортировке. Начну аккуратно выводить

галоперидол из её крови. Это займет пару дней. За это время вам нужно найти

место, куда мы её спрячем, и связаться с Денисом. Если младший сын официально

подаст на восстановление опеки, я смогу юридически отказать людям Марка в её

удержании.

— Денис в Красноярске. Я найду его.

— И еще кое-что, Инна, — Артем снова подошел ко мне. Его взгляд стал серьезным,

почти пронзительным. — Возвращайтесь домой.

Я отшатнулась, словно меня ударили. — Что? Вы же сами сказали...

— Вы должны вернуться и играть роль покорной жены, — перебил он мягко, но

непреклонно. — Выпьте таблетку от головы. Извинитесь за утренние нервы.

Ляжете с ним в постель, если потребуется.

Меня передернуло от отвращения. — Я не смогу. Я убью его, если он ко мне

прикоснется.

— Сможете, — Артем положил обе руки мне на плечи. Тяжелые, горячие ладони. Они

словно заякорили меня в реальности, не давая скатиться в истерику. — Потому

что вы сильная. Вы пятнадцать лет выживали в банке со скорпионом и не

сломались. Марк должен верить, что всё под контролем. Дайте ему иллюзию

победы. Это наше главное оружие.

Я смотрела в его серые глаза и чувствовала, как паника отступает. На её место

приходит холодная, ледяная решимость. Он прав. Марк упивается своей властью.

Значит, нужно дать ему ею подавиться.

— Хорошо, — выдохнула я. — Я сыграю в эту игру.

— Я буду рядом, — тихо сказал Артем. — Не как директор пансионата, Инна. Как

человек, который не позволит вас сломать. Обещаю.

В дверь кабинета резко постучали. Мы синхронно отшатнулись друг от друга.

— Артем Игоревич! — раздался из-за двери встревоженный голос Нины Сергеевны. —

Извините, что прерываю. У ворот черный джип. Ребята из службы охраны холдинга.

Требуют открыть шлагбаум. Говорят, плановая проверка безопасности объекта.

Артем побледнел, но его челюсть упрямо сжалась. Он посмотрел на меня. — Марк не

стал ждать вечера, — шепнул он. — Он уже ищет вас.

Время вышло. Ловушка захлопнулась, и мы оказались в ней вдвоем.

Глава 7(Артем)

(от лица Артема)

Голос старшей медсестры, искаженный тревогой и плотным деревом двери, разрушил

ту хрупкую, почти интимную изоляцию, в которой мы находились последние десять

минут.

Черный джип службы безопасности холдинга у ворот.

Я мгновенно перевел взгляд на Инну. Она побледнела так резко, что веснушки на

переносице, которых я раньше не замечал, проступили контрастными пятнами. Её

пальцы мертвой хваткой вцепились в ремешок дешевой дерматиновой сумки. Она не

закричала, не забилась в истерике. Только зрачки расширились, поглотив

радужку, превратив глаза в два бездонных колодца животного страха.

Этот страх предназначался не мне. Он принадлежал её мужу. И от осознания того,

какую абсолютную, первобытную власть этот ублюдок имеет над взрослой, умной

женщиной, у меня внутри свернулась тугая пружина холодного гнева.

— Нина Сергеевна! — крикнул я, стараясь, чтобы голос звучал ровно и недовольно,

как у руководителя, которого отвлекли от важных бумаг.
— Задержите их на КПП.

Скажите, что я на видеоконференции с Минздравом, освобожусь через три минуты.

Шлагбаум без моей личной команды не открывать.
За дверью слышались торопливые шаги — медсестра побежала выполнять приказ.

Я шагнул к Инне и взял её за плечи. Под тонкой тканью свитшота её колотила

мелкая, неукротимая дрожь.

— Послушайте меня внимательно, — я наклонился к самому её лицу, заставляя

смотреть мне в глаза. — Они приехали не с официальным обыском. У них нет

ордера, нет полиции. Это силовая разведка. Мельников проверяет свои подозрения.

Он хочет взять вас на испуг.

— Если они найдут меня здесь... — её голос сорвался на судорожный выдох. — Артем,

он убьет нас обоих. Социально, физически — неважно. Он уничтожит всё.

— Они вас не найдут.

Я отпустил её, развернулся и быстрым шагом подошел к стеллажу с медицинскими

справочниками, занимавшему правую стену кабинета. За ним находилась

неприметная дверь, сливающаяся с деревянными панелями обшивки.

Помещение метр на полтора. Мой личный архив, где хранились дубликаты

особо важных историй болезни, сервер резервного копирования и кое-что из

личных вещей, которые я перевез сюда после смерти жены.

Я распахнул дверь. Внутри пахло нагретым пластиком от работающего сервера и

старой кожей моей куртки, висевшей на крючке.

— Заходите, — скомандовал я.

Инна не заставила повторять дважды. Она скользнула в тесное пространство,

прижавшись спиной к металлическим полкам. Места было так мало, что подол

её кофты коснулся моих брюк.

— Там нет окон. Будет темно и немного душно от процесса, — быстро проговорил

я, глядя в её расширенные от ужаса глаза. — Что бы вы ни слышали, Инна. Как бы

громко они ни кричали или угрожали. Вы не издаете ни звука. Ваш телефон

выключен?

Она судорожно кивнула: — Да.

— Отлично. Дверь запирается снаружи на магнитный ключ. Я открою, как только они

уберутся. Дышите ровно. Мы справимся.

Я не стал дожидаться ответа. Закрыл дверь, и тихий щелчок электромагнитного

замка отрезал её от внешнего мира.

Тотчас же я вернулся к своему столу. Выдвинул ящик, достал две толстые папки с

прошлогодней бухгалтерской отчетностью и бросил их на столешницу. Раскрыл одну

посередине, взял в руки карандаш. Снял пиджак и повесил его на спинку кресла,

оставшись в рубашке с закатанными рукавами. Я должен был выглядеть как

человек, с головой погруженный в рутину, а не как любовник, только что

спрятавший чужую жену в шкаф.

Я подошел к окну и слегка приоткрыл створку. Ветерок принес запах сосновой смолы

и пыли. Идеально. Пусть выветрит тончайший аромат её духов.

Через минуту по коридору гроыхнули тяжелые шаги. Ковролин скрадывал звук, но

поступь людей, привыкших входить без стука, не скроет ни одно покрытие в

мире.

Дверь распахнулась. Без предупреждения.

На пороге стояли двое. Впереди — грузный, бритый наголо мужчина лет сорока в

тактической куртке, из-под которой явно угадывались очертания плечевой

кобуры. За его спиной маячил парень помоложе, с равнодушным лицом

профессионального исполнителя.

Я медленно поднял голову от бумаг. Не вздрогнул, не выронил карандаш. Просто

посмотрел на незваных гостей поверх очков для чтения, которые специально

надел ради этого спектакля.

— Вы, кажется, перепутали двери, господа. Приемный покой этажом ниже, — мой тон

был сухим, как песок в пустыне.

Лысый усмехнулся, проходя в кабинет. Он даже не потру-дился закрыть за собой

дверь.

— Артем Игоревич Волков. Директор, — констатировал он, бесцеремонно оглядывая

помещение. Его взгляд профессионального ищейки скользил по шкафам, углам,

окнам. — Меня зовут Зуев. Служба безопасности холдин-га. Марк Анатольевич

Мельников прислал нас с внеплановым аудитом.

Он извлек из внутреннего кармана пластиковое удостове-рение и небрежно бросил его

на мой стол, прямо поверх бухгалтерских отчетов.

Я не притронулся к пластику. Откинулся на спинку кресла и скрестил руки на

груди.

— Аудит чего именно, господин Зуев? Пансионат «Кедр»

— частное медицинское

учреждение. Мы не являемся филиалом вашей корпорации. Марк Анатольевич

выступает спонсором одного из наших пациентов. Это дает ему право требовать

финансовые отчеты об использовании его средств, но не дает права вламываться в

мой кабинет.

Зуев оперся костяшками пальцев о мой стол и навис надо мной. От него пахло

дорогим табаком и мятной жвачкой, которая не могла перебить запах хищника.

— Марк Анатольевич считает, что периметр безопасности объекта, где содержится

его... подопечная, уязвим, — Зуев процедил слова сквозь

зубы. — У нас есть

сигнал, что сегодня на территорию проникла посторонняя машина. Служебный

фургон. Марка машины — «Ларгус».

Внутри меня всё подобралось, но пульс остался ровным. Мельников сработал

блестяще. Он не стал искать жену напрямую, чтобы не выдать свою слабость

перед подчиненными. Он запустил проверку «неизвестного транспорта», который мог

угрожать объекту К-12. Гениальная паранойя.

— Фургон волонтерской службы, — спокойно парировал я, снимая очки и бросая их на

стол. — Он привез обновленные бланки из социальной защиты. Это рутинная бумажная

работа.

— Кто был за рулем? — тут же вмешался второй охранник, шагнув ближе.

— Курьер.

— Имя курьера? — Зуев сузил глаза. — На въезде ваша истеричная медсестра не

смогла предоставить нам журнал посещений.

— Потому что журнал находится у меня на подписи. А курьер не заходил в зону

строгого режима. Девушка оставила документы на ресепшене и уехала

пятнадцать минут назад.

Я лгал, глядя прямо в его мутные, выцветшие глаза. Главное правило при общении с

такими людьми — не оправдываться. Как только ты начинаешь суетиться, они чувствуют

кровь.

Зуев выпрямился. Он медленно прошелся по кабинету. Подошел к окну, выглянул во

внутренний двор. Затем повернулся к стеллажам. Он остановился ровно напротив

скрытой двери в архив.

У меня под лопатками выступил холодный пот, но я даже

не шелохнулся в кресле. Я

знал, что за этой тонкой фанерой Инна сейчас зажимает себе рот обеими руками,

чтобы не издать ни звука.

— Интересная у вас тут система, Волков, — задумчиво протянул безопасник, проводя

массивным пальцем по корешкам медицинских энциклопедий. — Лес кругом. Тишина.

Пациенты с закрытым статусом. Идеальное место, чтобы спрятать концы в воду.

Или спрятаться самому.

Он обернулся ко мне. — Вы знаете, почему Марк Анатольевич так заботится о

безопасности двенадцатого бокса?

— Меня не интересуют мотивы спонсоров. Меня интересует только здоровье

пациентов, — ответил я, вставая из-за стола. Настала моя очередь

сокращать дистанцию. Я подошел к Зуеву на расстояние вытянутой руки. По

росту мы были почти одинаковы. — А теперь слушайте меня внимательно. Если у

вас есть официальное предписание прокуратуры на обыск — предъявите его. Если

нет — заберите свое удостоверение и покиньте территорию. В этом здании лежат

пожилые люди с тяжелыми кардиологическими и неврологическими диагнозами. Ваше

присутствие здесь нарушает лечебный режим.

Зуев усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья. — Борзый доктор. Марк

Анатольевич предупреждал, что вы с норовом. Говорил, всё пытаетесь лечить

тех, кого давно пора списать.

— Я врач. А вы вышли за пределы своих полномочий.

— Мы проверим камеры на КПП, — бросил второй охранник.

— Пожалуйста, — я пожал плечами. — Увидите въезжающий фургон волонтеров и

выезжающий фургон волонтеров. Больше ничего интересного. Но доступ к

видеоархиву я предоставляю только по официальному запросу полиции.

Зуев долго сверлил меня взглядом. Он просчитывал варианты. Ему был дан приказ

найти жену шефа, но, видимо, без скандала и привлечения лишнего внимания.

Выламывать двери в частном пансионате без железных доказательств — значит

подставить корпорацию под судебный иск. Марк не любил грязных следов.

Безопасник шагнул к моему столу, сгреб удостоверение и сунул его в карман.

— Мы еще встретимся, Волков. Марк Анатольевич очень не любит, когда ему врут.

Если выяснится, что вы кого-то покрываете...

— Прощайте, господин Зуев.

Они развернулись и вышли. Дверь захлопнулась с такой силой, что в шкафу звякнули стекла.

Я не сдвинулся с места. Стоял посреди кабинета, вслушиваясь, как удаляются их

шаги. Подошел к окну. Через две минуты я увидел, как двое в тактических

куртках вышли на парковку, сели в свой матово-черный джип и сорвались с

места, поднимая облако пыли.

Только тогда я позволил себе глубокий, прерывистый вдох.

Я подошел к стеллажу и приложил магнитную таблетку к скрытому замку. Щелчок.

Дверь открылась.

Инна сидела на корточках в самом углу крошечного помещения, обхватив колени

руками. В тусклом свете индикаторов сервера её лицо казалось высеченным из

мрамора. Когда дверь открылась, она вздрогнула и подняла на меня глаза. В них

стояли слезы, которые она не позволяла себе пролить.

— Они ушли, — тихо сказал я, протягивая ей руку.

Она вложила свою холодную ладонь в мою и позволила помочь ей подняться. Выйдя на

свет кабинета, Инна покачнулась. Я рефлексивно обхватил её за талию, прижимая к

себе, чтобы она не упала.

На мгновение мы замерли. Её лицо было всего в нескольких сантиметрах от моего. Я

чувствовал, как бешено колотится её сердце, передавая ритм через тонкую ткань

свитшота прямо мне в грудь. От неё пахло страхом, пылью архива и

горьковатым цветочным парфюмом/

— Спасибо, — выдохнула она, отстраняясь. Её щеки тронул едва заметный румянец. —

Я слышала всё. Вы рискуете свободой из-за меня.

— Я защищаю свою территорию, Инна. И людей, которые находятся на ней.

Я отошел к столу и налил стакан воды из графина. Протянул ей. Она выпила

жадными, мелкими глотками.

— Марк не поверит им, — произнесла она, ставя пустой стакан. — Он отправил их не

для того, чтобы найти меня, а чтобы проверить вашу реакцию. Он знает, что я

ездила на «Ларгусе». Он сложил два и два. Теперь он уверен, что мы заодно.

— Тем более вам нельзя задерживаться. Камеры на КПП не зафиксировали, как вы

выезжали, потому что вы припарковали фургон в слепой зоне за дубом. Я видел

это из окна. Они просмотрят записи и поймут, что машина всё еще на территории.

Я быстро подошел к шкафу, достал запасную бейсболку и ветровку санитара.

— Наденьте это. Спрячьте волосы. Мы выйдем через чер-

ный ход хозяйственного

блока. Там нет камер, и тропинка ведет прямо к дальней парковке.

Инна молча подчинилась. Спрятав свои роскошные волосы под козырек кепки и

накинув куртку не по размеру, она стала похожа на

подростка-разнорабочего.

— Артем, — она посмотрела на меня уже у самой двери.
— Вы сказали, что начнете

выводить Антонину Васильевну из-под препаратов.
Сколько времени ей нужно,

чтобы она смогла ходить и говорить осмысленно?

— Три-четыре дня. Организм пожилой, метаболизм медленный. Но я подключу

капельницы с дезинтоксикацией. К пятнице она будет в состоянии назвать

свое имя любому нотариусу или полицейскому.

— К пятнице, — эхом повторила Инна. — У меня есть пять дней, чтобы подготовить

квартиру и найти брата Марка.

— Будьте предельно осторожны. Он будет провоцировать вас. Будет давить.

Я открыл дверь, предварительно выглянув в коридор. Пусто. Мы быстро пошли по

техническим лабиринтам пансионата. Пахло хлоркой, чистым бельем и больничной

едой. Я вел её мимо прачечной, мимо склада с медикаментами, чувствуя себя не

директором солидного учреждения, а контрабандистом, выводящим беглеца из-под

носа у диктатора.

И, черт возьми, мне это нравилось.

Десять лет после смерти Кати моя жизнь была похожа на ровную, предсказуемую

кардиограмму. Я спасал стариков, боролся с чиновниками, строил этот

пансионат, чтобы искупить свое бессилие перед раком, который забрал мою

жену. Я жил правильно. И невыносимо скучно.

А эта женщина, с её отчаянной решимостью отомстить за обманутую мать и свою

загубленную молодость, запустила в мои вены кислород.

Мы вышли на задний двор. Лес встретил нас прохладной тенью. До припаркованного

фургона оставалось метров пятьдесят по заросшей тропинке.

— Дальше я сама, — Инна остановилась. Сняла бейсболку и отдала мне. — Спасибо.

За всё.

— Номер, который я вам дал. Выучите его наизусть, а бумажку сожгите, —

проинструктировал я. — Если почувствуете прямую угрозу от мужа — не

играйте в героя. Бегите. Просто выходите из дома в чем есть, звоните мне с

любого автомата или чужого телефона, и я заберу вас. Договорились?

Она посмотрела на меня долгим, серьезным взглядом. В её глазах больше не было

слез.

— Договорились, Артем.

Она повернулась и быстро пошла к машине. Я стоял под козырьком служебного входа

и смотрел ей вслед. Наблюдал, как она садится в кабину старого фургона, как

заводится двигатель, выплевывая облачко сизого дыма. Машина медленно,

стараясь не шуметь, выехала на лесную дорогу и скрылась за поворотом.

Я сунул руки в карманы брюк, сжимая в пальцах брошенную ею бейсболку. Ткань еще

хранила едва уловимое тепло её тела.

Мельников думает, что он контролирует этот мир. Он привык иметь дело с людьми,

которые ломаются под тяжестью его денег и связей. Но он совершил роковую

ошибку. Он недооценил женщину, которой больше нечего терять, и человека,

который уже потерял самое дорогое в прошлом.

Мы стояли на пороге войны. И впервые за долгие годы я был абсолютно готов к бою.

Я вернулся в свой кабинет, плотно закрыл дверь и снял трубку телефона, чтобы

набрать номер старшей медсестры.

— Нина Сергеевна. Подготовьте систему для инфузионной терапии. Раствор Рингера,

глюкоза, витамины группы В. И принесите карту Петровой из двенадцатого бокса.

Мы меняем протокол лечения.

Пора возвращать мертвых с небес на землю.

Столкновение со службой безопасности Марка заканчивается временной

победой Артема, но оба понимают, что таймер запущен. Артем официально начинает

процесс "оживления" свекрови, отменяя препараты. Те-

перь у Инны есть всего пять

дней, чтобы подготовить юридический удар и выжить в
одном доме с монстром,

который знает, что она ведет двойную игру.

Глава 8

Служебный «Ларгус» пах старым поролоном и въевшейся дорожной пылью, но сейчас

этот запах казался мне целебным. Я гнала машину по трассе, вцепившись в руль

так, что костяшки пальцев побелели. Лес стремительно редел, уступая место серым

бетонным коробкам окраинных микрорайонов.

Мой мозг, обычно склонный к долгим сомнениям и рефлексии, сейчас работал с

кристальной, пугающей четкостью. Артем дал мне четкий алгоритм, и я

собиралась выполнить его безукоризненно.

Я свернула к привокзальной площади, забитой ларьками и стихийными парковками.

Выбрав самый неприметный павильон с вывеской «Ремонт и скупка телефонов», я

натянула козырек бейсболки пониже и шагнула внутрь. За прилавком, заваленным

клубками проводов и запчастями, сидел хмурый парень в наушниках.

— Мне нужен самый простой кнопочный телефон, — мой голос прозвучал глухо. — И

сим-карта. Без оформления.

Парень даже не поднял на меня глаз. Он молча выудил из-под стекла черную

пластиковую трубку, похожую на те, что выпускали лет пятнадцать назад, и

бросил рядом безымянный стартовый пакет оператора.

— Две тысячи за всё. Наличными.

Я расплатилась, сунула покупку в карман джинсов и там же, у соседней стойки,

купила дешевую пластиковую зажигалку. Выйдя на улицу, я обошла павильон. У

глухой кирпичной стены стояла переполненная металлическая урна. Я достала из

кармана листок, на котором стремительным, живым почерком Артема были выведены

одиннадцать цифр.

Закрыв глаза, я несколько раз прошептала их про себя. Визуальная память у меня

всегда была отличной. Восемь, девятьсот... Я повторила комбинацию, пока она не

въелась в подкорку, как мантра. Затем чиркнула зажигалкой. Бумага вспыхнула

мгновенно. Я смотрела, как желтое пламя пожирает цифры, превращая их в

хрупкий черный пепел. Когда огонь обжег подушечки пальцев, я бросила

остатки в урну и растерла их подошвой кроссовка.

Теперь пути назад точно не было. Связь с человеком, который пообещал мне защиту,

существовала только в моей голове и в черном куске пластика, спрятанном на дне

сумки.

Вернув фургон на стоянку волонтерского центра и отдав ключи Галине Петровне, я

сослалась на то, что таблетка от головы наконец подействовала, и вызвала такси

до дома.

Моя квартира — наша квартира — встретила меня идеальной, выверенной тишиной.

Пространство, над дизайном которого работало лучшее агентство города,

напоминало глянцевый разворот журнала. Мрамор, стекло, холодные оттенки

серого и графитового. Ни одной лишней вещи на поверхностях. Марк ненавидел

визуальный шум. Он говорил, что дом — это место, где взгляд должен отдыхать.

На самом деле это было место, где взгляду не за что было зацепиться.

Я прошла в ванную, включила ледяную воду и долго умывалась, смывая с себя следы

лесной дороги. Затем посмотрела в зеркало. Бледность всё ещё придавала мне вид

больного человека. Это было на руку.

«Вы должны вернуться и играть роль покорной жены, — звучал в голове голос

Артема. — Дайте ему иллюзию победы».

Я вытащила из аптечки настоящий блистер с обезболивающим, выдавила одну капсулу

и спустила её в раковину. Пустую упаковку и наполовину выпитый стакан воды я

нарочито небрежно оставила на кухонном острове. Доказательство номер один:

жена была дома и лечила мигрень.

Затем я переоделась. Выбрала то, что Марк любил на мне больше всего — мягкое,

кашемировое платье жемчужного цвета, которое делало меня похожей на уютную,

беззащитную статуэтку. Я расчесала волосы, собрала их в низкий узел, оставив

пару прядей свободно падать на шею.

Сцена была готова. Оставалось дожидаться главного актера.

Я села в кресло у панорамного окна, поджав под себя ноги, и включила свой

основной смартфон. Экран ожил, выдав несколько уведомлений из рабочих

чатов. Я открыла браузер и вбила в поисковую строку: «Денис Анатольевич

Мельников Красноярск».

Система выдала десятки ссылок. Страницы в социальных сетях, упоминания в

новостях, профили полных тезок. Я понимала, что Марк, скорее всего,

заставил брата сменить фамилию или максимально подчистил его цифровой след.

Найти Дениса за пару часов не получится. Мне придется использовать базы данных

волонтеров или искать через старых знакомых свекрови, если таковые еще

остались в живых.

Щелчок электронного замка раздался ровно в девятнадцать ноль-ноль. Марк никогда

не опаздывал.

Я заблокировала экран телефона и положила его на столик, заставив себя сделать

глубокий вдох. Сердце колотилось так, словно готовилось пробить ребра, но

внешне я оставалась абсолютно расслабленной.

Шаги в прихожей. Шуршание снимаемого плаща.

— Инна? — его голос прозвучал мягко, но в этой мягкости таилась настороженность

хищника, ступающего на незнакомую территорию.

Я встала и вышла в коридор.

Марк стоял у зеркала. В его правой руке был зажат огромный букет белых лилий.

Тех самых, запах которых еще утром смешивался с ароматом кладбищенской земли.

Мои легкие рефлексорно сжались, отказываясь принять этот сладковатый,

удушливый запах, но я шагнула вперед.

— Ты уже вернулся, — я изобразила на лице слабую, чуть виноватую улыбку. — А я

только недавно проснулась.

Марк не сводил с меня глаз. Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на

пустом стакане на кухне, отметил кашемировое платье. Он сканировал

пространство с профессиональной дотошностью.

— Я увидел их в цветочном бутике и подумал о тебе, — он протянул мне цветы. Его

тон был обволакивающим, гипнотическим. Прямой психологический удар. Он ждал,

что я дрогну. Что отшатнусь от цветов, которые мы возлагали на могилу его

матери, которую он сам же и похоронил заживо.

Я сделала еще один шаг, протянула руки и взяла букет. Холодные, плотные стебли

легли на ладони. Я опустила лицо в белые лепестки, вдыхая их аромат, и

заставила себя посмотреть мужу прямо в глаза поверх бровей.

— Спасибо, любимый. Они прекрасны, — мой голос не дрогнул. Я почувствовала, как

внутри меня рождается ледяная, абсолютная ярость, которая вымораживает любой

страх. — Как раз то, что нужно, чтобы снять тяжесть этого дня.

В глазах Марка мелькнуло едва заметное удивление. На долю секунды его

безупречная система дала сбой. Он ожидал истерики, срыва, или хотя бы

нервного напряжения. Он ожидал увидеть женщину, пойманную в ловушку своих

подозрений. Но перед ним стояла идеальная жена.

— Как твоя голова? — спросил он, снимая пиджак.

— Намного лучше. Я выпила таблетку и проспала почти четыре часа. Видимо, стресс

после кладбища дал о себе знать, — я повернулась спиной к мужу, демонстрируя

полную уязвимость, и пошла на кухню, чтобы поставить цветы в вазу. — Как

прошел твой день? Решил свои кадровые проблемы?

Я наливала воду в высокую хрустальную колбу, чувствуя спиной его тяжелый взгляд.

— Решил, — Марк подошел сзади. Его горячие ладони легли мне на талию, большие

пальцы скользнули по кашемиру. От этого прикосновения у меня волосы на

затылке встали дыбом. — Знаешь, сегодня произошел забавный инцидент. Мои

ребята проверяли внешний периметр одного объекта в лесополосе. И заметили там

служебную машину. Фургон.

Он замолчал, выдерживая паузу. Его подбородок коснулся моего плеча.

— Представляешь, — продолжил он тихим шепотом, от которого веяло могильным

холодом, — это был фургон волонтерской службы. Такой же, на которых ездят

твои коллеги.

Я аккуратно поставила вазу на стол, повернулась в кольцо его рук и удивленно

вскинула брови.

— Правда? Ничего себе совпадение, — я позволила себе легкий смешок, поправляя

воротник его рубашки. — Галина Петровна говорила, что сегодня две группы

поехали в область — отвозить памперсы и белье в дальние хосписы. Там где-то

ремонтируют развязку, навигаторы сходят с ума. Наверное, кто-то из водителей

заплутал. Твои ребята их сильно напугали? Надеюсь, они не уложили наших

пенсионерок лицом в асфальт?

Марк смотрел на меня в упор. Я видела, как в его зрачках вращаются шестеренки

аналитического механизма. Он искал микровыражения лица. Бегающий взгляд.

Учащенное дыхание. Он проверял свою теорию.

Но я была дочерью военного хирурга. Я умела задерживать дыхание и останавливать

панику усилием воли. А еще я была женщиной, которая поняла, что живет с

убийцей. И этот убийца прямо сейчас обнимал меня за талию.

— Нет, не уложили, — медленно произнес Марк, не находя подтверждения своим

подозрениям. Его хватка на моей талии чуть ослабла. Иллюзия победы

начинала действовать. — Просто проверили документы. Оказалось, курьер.

Обычная ошибка навигации.

— Бедные девочки, — я сочувственно вздохнула и мягко отстранилась от него. — Ты

будешь ужинать? Я могу заказать что-нибудь из ресторана, готовить совсем нет

сил.

— Закажи стейки, — Марк наконец разорвал зрительный контакт и провел рукой по

волосам. Впервые за день он выглядел слегка уставшим. Сценарий, который он

выстроил у себя в голове, не совпал с реальностью. — Я приму душ.

— Хорошо.

Я смотрела, как он уходит по коридору в сторону ванной комнаты. Как только за

ним закрылась матовая стеклянная дверь и послышался шум воды, я бесшумно

выдохнула, цепляясь рукой за край столешницы. Колени задрожали так сильно,

что мне пришлось присесть на барный стул.

Первый раунд остался за мной. Я переиграла начальника службы безопасности на его

собственном поле.

Шум воды из ванной служил мне надежным прикрытием. Я встала, подошла к вешалке в

прихожей, где висел брошенный Марком пиджак. Я всегда убирала его вещи в шкаф —

это был мой ритуал «заботы».

Взяв тяжелую ткань в руки, я машинально провела по лацканам. Мой взгляд

зацепился за внутренний карман. Оттуда едва заметно выглядывал краешек

плотной глянцевой бумаги.

Обычно я никогда не проверяла его карманы. Это было ниже моего достоинства. Но

сегодня достоинство уступило место холодному расчету.

Я потянула за край. Это был чек из элитного ювелирного бутика, датированный

сегодняшним днем. Время покупки — 14:30. Сумма с пятью нулями. Наименование

товара: «Браслет теннисный, белое золото, бриллианты».

Утром он был на кладбище. Днем устроил налет на пансионат Артема. А после этого

поехал покупать бриллианты.

Я не носила браслеты — Марк знал, что у меня аллергия на плотно прилегающий к

запястью металл, я предпочитала только цепочки на шею.

Я поднесла пиджак ближе к лицу и втянула носом воздух. Сандал и горький цитрус —

его привычный парфюм. Но под ним, на уровне подкладки, угадывался другой запах.

Густой, шлейфовый аромат жженого сахара и шафрана. Baccarat Rouge. Самые

дорогие и узнаваемые духи в городе. Мои духи пахли утренним пионом.

Я закрыла глаза. Перед внутренним взором вспыхнула картинка из прошлой жизни:

Марк, целующий меня в макушку, Марк, говорящий о честности и верности.

Он не просто прятал мать. Он не просто травил меня контрацептивами, лишая права

на ребенка. Он планомерно, годами вытирал об меня ноги, возвращаясь в нашу

стерильную квартиру из чужой постели.

Странно, но я не почувствовала ревности. Ревность — это удел тех, кто боится

потерять любимого. А я больше ничего не боялась потерять. Я чувствовала

только жгучее, разъедающее отвращение. Как будто я голыми руками

прикоснулась к разлагающемуся трупу.

Я аккуратно вложила чек обратно в карман и повесила пиджак в шкаф, миллиметр к

миллиметру выровняв плечики.

Затем прошла в гардеробную, достала из недр старой сумки кнопочный телефон.

Пальцы быстро набрали номер Артема. Я не стала звонить — в квартире любая

акустика работала против меня. Я открыла меню сообщений.

Кнопки нажимались с тугим, забытым щелчком.

«Я дома. Он проверял меня фургоном и лилиями. Я выдержала. Ищу брата».

Я нажала «Отправить» и замерла, глядя на тускло подсвеченный монохромный экран.

Секунды текли как густая смола. Я боялась, что связь не пройдет, что Артем

сейчас занят или что его телефон вне зоны доступа.

Экран мигнул. Входящее сообщение.

«Горжусь вами. Вы невероятно сильная. Я начал терапию для А.В. Будьте осторожны.

Я рядом».

Я перечитала эти три строчки несколько раз. «Горжусь вами». Марк никогда не

говорил мне этого. Марк хвалил меня так, как хвалят породистую собаку за

правильно выполненную команду. Артем разговаривал со мной как с равной. Как с

человеком, чье мужество вызывает уважение.

Я стерла оба сообщения, выключила телефон и спрятала его в коробку с зимними

сапогами на самой верхней полке гардеробной. Куда Марк точно не полезет в

мае.

Вернувшись на кухню, я достала свой обычный смартфон и заказала ужин из

ресторана.

Когда Марк вышел из ванной, от него пахло только свежим гелем для душа и

чистотой. Он был расслаблен. Вода смыла с него дневное напряжение и

остатки чужих духов. Он прошел на кухню, обнял меня со спины и поцеловал в

висок.

— Пахнет вкусно, — мурлыкнул он.

— Доставка будет через сорок минут, — я повернулась к нему, опираясь поясницей о

столешницу, и улыбнулась самой светлой, самой преданной улыбкой из своего

арсенала. — Налить тебе вина?

— Да. Давай выпьем за нас.

Он сел за барную стойку, наблюдая, как я открываю бутылку сухого красного. В его

взгляде читалось удовлетворение. Система работала. Бунт подавлен, не успев

начаться.

Он думал, что пьет вино со своей сломанной, покорной вещью.

Он не знал, что пьет с женщиной, которая уже начала рыть для него могилу. И на

этот раз эта могила не будет пустой.

Инна блестяще выдерживает психологический прессинг

мужа, усыпляя

его бдительность. Она находит неопровержимые доказательства его измены, что

окончательно уничтожает в ней любые остатки жалости. Тайная связь с Артемом

налажена. Теперь Инне предстоит самая сложная часть плана — найти изгнанного

брата Дениса и подготовить юридический капкан, пока Артем выводит свекровь из

медикаментозной комы.

Глава 9

В моем кабинете на тридцать четвертом этаже всегда царил идеальный климат.

Двадцать один градус по Цельсию, влажность сорок пять процентов. Воздух

проходил через три ступени очистки, прежде чем коснуться моих легких. Здесь

не было места случайным запахам, пыли или хаосу. Только холодный блеск

панорамных стекол, за которыми расстился город, похожий на макет из

серого пластика и неоновых нитей.

Я любил смотреть на него сверху. Это давало правильную перспективу. Когда ты

находишься на вершине, люди внизу перестают быть личностями. Они становятся

статистикой, тепловыми пятнами на мониторах, потоками

данных. Моя работа в

службе безопасности научила меня главному: безопасности не существует без

тотального контроля. А контроль — это знание каждой мелкой детали.

Я отхлебнул остывший эспрессо. Горечь обожгла язык, заставляя мозг работать еще

быстрее.

На левом мониторе висел лог активности волонтерского центра «Милосердие». Я уже

запустил механизм. Мои люди в налоговой и пожарной инспекции получили приказ:

рыть до тех пор, пока здание не опечатают. Мне не нужно было сажать Галину

Петровну или других «святош», работающих с Инной. Мне нужно было просто

лишить мою жену её убежища. Лишить её повода уходить из дома на восемь

часов в день.

Инна в последнее время стала... другой.

Я вызвал на центральный экран архивную запись с камер в нашей прихожей.

Вчерашний вечер. 19:10.

На записи я только что зашел в душ. Инна остается одна. Она стоит у вешалки, её

плечи напряжены. Она не вешает мой пиджак сразу. Она замирает, прислушиваясь к

шуму воды в ванной. И в этот момент её лицо меняется. Маска покорности

осыпается, как старая штукатурка.

Я увеличил масштаб. Разрешение 4К позволяло видеть каждую пору на её коже.

Она запускает руку во внутренний карман моего пиджака. Быстро, уверенно. Она

находит чек. Тот самый чек из бутика, который я намеренно оставил там.

Я наблюдал за ней, и внутри меня шевельнулось что-то среднее между брезгливостью

и охотничьим азартом. Значит, я был прав. Моя тихая, прозрачная Инна начала

копать. Но как предсказуемо! Как банально! Она пошла по самому избитому

пути обманутой жены — полезла по карманам в поисках доказательств измены.

На экране она разворачивает чек. Её губы сжимаются в тонкую линию. Она подносит

пиджак к лицу, вдыхая запах.

Я знал, что она чувствует. Запах Алисы. «Baccarat Rouge 540». Запах жженого

сахара, шафрана и неприкрытой, дорогой похоти. Этот аромат невозможно

спутать ни с чем. Он въедается в ткань, в волосы, в память.

Я усмехнулся, глядя, как Инна аккуратно вкладывает чек обратно и разглаживает

лацкан. Она думает, что она умная. Она думает, что поймала меня за хвост и

теперь может готовить план отступления. Развод, раздел

имущества, алименты...

Весь этот стандартный набор женщины, которая внезапно осознала, что её «скала»

имеет трещины.

Бедная моя Инна. Она даже не представляет, что я видел каждое её движение. Что

этот чек был проверкой. Тестом на лояльность, который она с треском провалила.

Если бы она ворвалась ко мне в ванную, швырнула этот чек в лицо и устроила

истерику — я бы, возможно, даже испытал к ней каплю уважения за честность.

Я бы нашел способ её успокоить, купил бы ей еще одно кольцо, и мы бы продолжили

играть в счастливую семью.

Но она выбрала ложь. Она выбрала двойную игру. Она решила, что сможет обмануть

профессионала, который пятнадцать лет вычисляет шпионов и коррупционеров.

Я переключил камеру на спальню. Запись ночи.

Инна спит, отвернувшись к окну. Её спина кажется хрупкой под шелковым одеялом. Я

лежу рядом, закрыв глаза, но я не сплю. Я слушаю её дыхание. Оно неровное. Она

не спит, она ждет, когда я усну.

В какой-то момент она медленно, миллиметр за миллиметром, выскользнула из

кровати и ушла в гардеробную. Камер там нет — я оставил ей это крошечное

пространство приватности, о чем теперь слегка сожалел. Но микрофоны, которые

мои люди установят сегодня, исправят эту ошибку.

Она пробыла там десять минут. Вернулась, легла и сразу «уснула».

— С кем ты общаешься в темноте, Инна? — прошептал я в пустоту кабинета. — С

адвокатом? С Денисом? Или, может быть, с тем директором пансионата,

Артемом?

Мысль об Артеме Волкове вызвала у меня неприятный зуд в затылке. Этот врач был

занозой. У него было то, чего я терпеть не мог в людях — принципиальность, не

подкрепленная ресурсами. Такие люди всегда плохо кончают, но успевают доставить

массу хлопот. Если Инна нашла в нем союзника, значит, дело серьезнее, чем просто

раздел квартиры.

Но моя логика упорно твердила: она не может знать про мать. Это исключено. Никто

не может воскресить человека, который двенадцать лет официально числится

мертвым. Она просто нашла чек. Она просто обижена. Она просто хочет

отомстить за измену.

Я вызвал Савельева через селектор.

— Да, Марк Анатольевич?

— Группа по волонтерскому центру выехала?

— Да. Пожарные уже там. Через час здание будет обесточено и опечатано до

выяснения обстоятельств. Юристы готовят иск о нецелевом использовании

пожертвований. Мы заблокируем их счета к полудню.

— Хорошо. Что по личному телефону Инны?

— Мы установили зеркальный дубль системы. Но... там пусто, Марк Анатольевич.

Типичные женские чаты, записи на маникюр, переписка с коллегами о закупке

бинтов. Ничего подозрительного за последние сорок восемь часов. Она либо очень

осторожна, либо...

— Либо у неё есть второй телефон, — закончил я за него.
— Который она прячет.

Проверьте сигналы GSM в районе нашей квартиры. Ищите незарегистрированные

IMEI, которые активны короткими сессиями.

— Будет сделано.

Я отключил связь и встал. Подошел к окну, заложив руки за спину.

Город внизу начал затягиваться предгрозовым маревом. Облака были тяжелыми,

свинцовыми, как мои мысли.

Инна думает, что она ведет следствие. Она думает, что её походы по «слепым

зонам» пансионата и поиск чеков — это большая шпионская игра. Она не

понимает, что она — всего лишь лабораторная мышь в лабиринте, который я

сам для неё построил. Я позволяю ей бежать. Я позволяю ей находить «сыр». Мне

интересно посмотреть, куда она придет.

Но если она решит вынести этот сор из избы... Если она хотя бы заикнется кому-то о

своих подозрениях...

Я вспомнил аромат Алисы. Жженный сахар. Он всё еще преследовал меня. Алиса была

проста, как три копейки. Она была предсказуема в своей жадности. Инна же

всегда была загадкой, которую я, как мне казалось, давно разгадал.

Оказалось, в её книге были страницы, склеенные между собой.

Я вернулся к столу и открыл нижний ящик. Там, в потайном отделении, лежала папка

с делом моего отца. Те самые документы, из-за которых двенадцать лет назад мне

пришлось «похоронить» мать.

Антонина Васильевна всегда была слабой. Она верила в справедливость, в честное

имя, в какую-то высшую мораль. Она не понимала, что честь не кормит, а мораль

не защищает от кредиторов, которые готовы были вырезать всю нашу семью из-за

долгов отца. Я спас нас всех. Я принял решение, которое

никто другой не

рискнул бы принять. Я вычеркнул её из мира живых, чтобы она не уничтожила

нас своей «праведностью».

И теперь какая-то девчонка, которую я подобрал в библиотеке пятнадцать лет назад

и превратил в леди, пытается разрушить мой порядок?

— Нет, дорогая, — тихо сказал я, глядя на экран, где застыл кадр с Инной в

прихожей. — Ты не разрушишь мой мир. Ты просто переедешь в другой. Такой

же тихий, как у твоей свекрови. Только без решеток на окнах — я сделаю их из

бронированного стекла.

Я нажал кнопку «Удалить» на записи вчерашнего вечера. Лишние улики мне ни к

чему. Я и так помнил каждое её движение.

Мой телефон завибрировал на столе. Номер Алисы. Я сбросил вызов. Сейчас она меня

раздражала. Её запах, её претензии на моё время, её новый браслет — всё это

казалось мелким и несущественным на фоне той дуэли, которую я вел со своей

женой.

Я снова посмотрел на монитор. Инна сейчас, скорее всего, собирается на работу.

Она еще не знает, что «Милосердие» закончилось. Что её маленькое хобби, её

«спасение мира» официально закрыто на карантин.

Я хотел увидеть её лицо, когда она столкнется с закрытыми дверями. Хотел

почувствовать её растерянность, её страх, её осознание того, что почва

под ногами превращается в зыбучий песок.

Я накинул пиджак и вышел из кабинета.

— Савельев, машину к входу, — бросил я на ходу секретарю. — Я поеду домой. Хочу

лично утешить жену в связи с закрытием её центра.

Охранники у лифта синхронно склонили головы. Я зашел в кабину и нажал кнопку

первого этажа.

Лифт скользнул вниз, и на мгновение у меня заложило уши от перепада давления.

Внутри возникло странное, почти забытое чувство — предвкушение.

Инна хотела игры? Она её получит. Но в этой игре я — и гроссмейстер, и судья, и

владелец доски.

Запах Алисы на моем рукаве начал выветриваться, уступая место стерильному

аромату кондиционированного воздуха.

Скоро я буду дома. Буду обнимать Инну, буду слушать её ложь, буду гладить её по

волосам и шептать, что всё будет хорошо. А сам буду ждать, когда она совершит

свою главную, фатальную ошибку.

Ведь в конце концов, любой контроль — это просто уме-

ние ждать, когда жертва сама

затянет петлю у себя на шее.

Я вышел на улицу. Солнце на мгновение ослепило меня, отразившись от капота

черного внедорожника.

— Домой, — приказал я водителю, садясь на заднее сиденье.

Машина плавно тронулась, вливаясь в поток. Я закрыл глаза, представляя Инну. Её

бледную кожу, её испуганные глаза.

Она еще не знала, что её «возвращение с небес» закончится в моем персональном

аду. И я позабочусь о том, чтобы там было очень уютно.

Марк уверен, что Инна просто «обиженная жена», которая мстит за

измену, и полностью игнорирует возможность того, что она знает о его матери.

Его самоуверенность заставляет его совершить первый шаг в открытой войне —

закрыть волонтерский центр.

Глава10

Свинец предгрозового неба тяжело навалился на панорамные окна нашей квартиры,

окрашивая гостиную в холодные, пепельные тона. Я стояла у кухонного острова,

методично нарезаю лимон для утреннего чая. Нож опускался на желтую кожуру с

ритмичным, сухим хрустом. Только этот звук помогал мне удерживать пульс в

пределах нормы.

Часы на духовом шкафу показывали десять утра. Через пятнадцать минут за мной

должна была заехать Галина Петровна — сегодня мы планировали крупную

отгрузку медикаментов в областной хоспис. Моя дорожная сумка с

волонтерской эмблемой уже стояла в прихожей.

Звук поворачивающегося в замке ключа заставил меня замереть. Лезвие ножа

остановилось в миллиметре от моего пальца.

Марк никогда не возвращался домой в это время. Если у него не было утренних

совещаний, он ехал в фитнес-клуб или в тир. Утренний визит мужа означал

только одно — правила игры изменились, и он решил сделать свой ход вне

расписания.

Я быстро вытерла руки полотенцем, натянула на лицо выражение легкой, ласковой

растерянности и вышла в коридор.

Марк стоял на пороге. На нем был тот же костюм, в котором он уехал час назад, но

галстук слегка ослаблен. Его взгляд, цепкий и темный, мгновенно сфокусировался

на моей волонтерской сумке. В уголках его губ дрогнула едва уловимая,

победоносная тень.

— Марк? Что-то случилось? — я сделала шаг навстречу, инстинктивно вскидывая руки

к груди. Жест испуганной, преданной жены. За пятнадцать лет я выучила эту

хореографию в совершенстве.

Он повесил пиджак на крючок, подошел ко мне и бережно взял за плечи. Его ладони

были горячими. От него снова пахло свежестью и легким цитрусом. Запах Алисы

исчез, смытый утренним душем в чужой квартире или в офисе.

— Инна, милая. Присядь, — его голос обволакивал, как теплый сироп.

Он повел меня в гостиную и усадил на диван. Сам опустился рядом, не выпуская

моих рук. Я чувствовала, как он внимательно сканирует мое лицо.

— Я не хотел говорить тебе по телефону. Знаю, как близко к сердцу ты принимаешь

свою работу, — Марк тяжело вздохнул, мастерски изображая сочувствие. — Сегодня

утром в твоём центре «Милосердие» прошла внеплановая проверка. Пожарная

инспекция и налоговая.

Мое сердце действительно пропустило удар. Не от удивления — Артем предупреждал,

что Марк нанесет удар, — а от того, с какой пугающей скоростью и цинизмом мой

муж уничтожал всё, что было мне дорого.

— Проверка? — я расширила глаза. — Но у нас всё в порядке с документами! Галина

Петровна лично следит за каждым огнетушителем...

— Инна, это госорганы, — он мягко погладил меня по костяшкам пальцев. — Они

нашли серьезные нарушения в хранении легковоспламеняющихся медикаментов.

Плюс, возникли вопросы по нецелевому использованию

спонсорских средств.

Здание опечатано. Счета центра заморожены до выяснения обстоятельств.

Я закрыла лицо руками. Мне даже не пришлось заставлять себя плакать — слезы

отчаяния от несправедливости брызнули сами собой. Десятки стариков в

области сегодня не получают свои памперсы и обезболивающие. Люди, которым

мы помогали выживать, стали сопутствующим ущербом в войне одного психопата

против своей жены.

— Как же так... Марк, это ошибка! Там же люди ждут помощи! — мой голос сорвался,

плечи затряслись.

Он притянул меня к себе, прижимая мою голову к своей груди. Я чувствовала, как

ровно и спокойно бьется его сердце. Он наслаждался моим горем. Он упивался

своей властью.

— Тише, родная. Я уже подключил своих юристов, они разберутся, — солгал он так

гладко, что я почти поверила. — Но пока идут разбирательства, центр закрыт.

Тебе нельзя там появляться. Это может бросить тень на мою репутацию,

понимаешь? Журналисты любят раздувать скандалы. Побудь дома. Отдохни.

Ты в последнее время слишком много на себя брала. Ловушка захлопнулась. Он отрезал меня от единственного легального способа

перемещаться по городу без подозрений. Он запер меня в стеклянном

саркофаге нашей квартиры.

— Что я буду делать дома целыми днями? — прошептала я, утыкаясь носом в его

крахмальную рубашку. — Я сойду с ума от безделья.

— Не сойдешь. Займись собой. Сходи в спа, почитай, —
Марк поцеловал меня в

макушку. — Кстати, сегодня приедут техники из моей
службы. У нас барахлит

система умного дома, датчики климат-контроля выдают
ошибку. Я приказал им

заменить оборудование. Не пугайся, они поработают пару
часов и уйдут.

Моя кровь превратилась в лед. Техники. Оборудование.
Он не просто запер меня. Он решил превратить этот дом
в студию для прослушки.

Я отстранилась, вытирая мокрые щеки тыльной стороной
ладони.

— Хорошо, Марк. Спасибо, что предупредил. Я... я по-
звоню Галине Петровне, узнаю,

как она.

— Звони, — милостиво разрешил он, вставая. — А я по-
еду в офис. Нужно

зарабатывать деньги на адвокатов для твоего центра.

Он улыбнулся мне — идеальный, заботливый муж — и
пошел к выходу. Я смотрела ему

вслед, чувствуя, как внутри меня медленно поднимается волна первобытной,

холодной ненависти.

Как только дверь за ним закрылась, я вскочила с дивана. Времени было

катастрофически мало. Если техники приедут с минуты на минуту, я

окажусь под круглосуточным аудионаблюдением. Каждое мое слово, каждый вздох

будет записываться.

Я бросилась в гардеробную. Достала из коробки с зимними сапогами кнопочный

телефон. Засунула его в самый дальний, потайной карман своей бежевой

ветровки. Свой основной смартфон я оставила лежать на кухонном столе —

пусть Марк видит по геолокации, что устройство дома. Звонок в дверь раздался ровно через десять минут.

На пороге стояли трое мужчин в серых комбинезонах с логотипом сервисной службы.

Впереди — сутулый парень в очках, которого я пару раз видела на корпоративах

холдинга. Игорь, начальник IT-отдела Марка. Значит, дело настолько серьезное,

что муж не доверил установку «жучков» рядовым монтажникам.

— Инна Николаевна, доброе утро. Марк Анатольевич предупреждал о нас? — Игорь

прятал глаза, стараясь не смотреть на меня.

— Да, проходите, — я отступила в сторону, кутаясь в длинный кардиган. — Муж

сказал, что проблемы с климат-контролем.

— Именно так. Мы проверим вентиляционные решетки и термостаты, — быстро

пробормотал Игорь, делая знак своим людям проходить в гостиную. У

одного из них в руках был тяжелый металлический кейс,

который никак не

походил на набор инструментов сантехника.

Я стояла в коридоре, наблюдая, как эти люди расходятся по моей квартире. Они

деловито вскрывали решетки вентиляции под потолком, снимали декоративные

панели выключателей. Ощущение было таким, словно в мое тело без наркоза

внедряют инородные металлические предметы. Мой дом переставал быть моим.

— Вы надолго? — спросила я, подходя к Игорю, который возился с панелью

управления в прихожей.

Он вздрогнул от звука моего голоса. — Часа на два, Инна Николаевна. Система

сложная, нужно перепрошить протоколы.

— Ясно. Знаете, у меня жутко разболелась голова от этого шума перфоратора, — я

картинно потерла виски. — А из-за проблем с моим во-

лонтерским центром нервы

вообще на пределе. Я, пожалуй, схожу в парк. Выпью кофе, подышу воздухом.

Закроете дверь, когда закончите?

Игорь на секунду замялся. Ему явно не давали инструкций удерживать меня силой.

— Конечно. Не беспокойтесь. Мы всё аккуратно уберем за собой.

Я взяла с консоли ключи, накинула ветровку и вышла из квартиры.

Спустившись на лифте на первый этаж, я не пошла к своей машине. Если Марк

отслеживает её трекер, то мой выезд из района сразу вызовет вопросы. Я

вышла через задний двор комплекса, пересекла детскую площадку и быстрым шагом

направилась к автобусной остановке.

Мой план был простым, но рискованным. Мне нужно было найти Дениса, младшего

брата Марка. Искать в интернете с домашнего Wi-Fi было

равносильно

самоубийству — Игорь наверняка уже дублирует весь мой трафик.

Пользоваться мобильным интернетом смартфона — тоже. Мне нужен был абсолютно чистый, публичный компьютер.

Я села в первый подошедший троллейбус, проехала три остановки, расплатившись

наличными, затем спустилась в метро. Через сорок минут я стояла перед

массивным зданием Центральной городской библиотеки. Пятнадцать лет назад, когда я была наивной студенткой филфака, я подрабатывала

здесь в архиве. Именно здесь, среди стеллажей с пыльными подшивками старых

газет, меня впервые увидел Марк. Он тогда искал какие-то старые

градостроительные планы для своей компании. Он показался мне

рыцарем — взрослым, уверенным, пахнущим дорогим парфюмом. Он вытащил меня

из бедности, подарил сказку, которая оказалась искусно декорированным склепом.

Символично, что разрушать эту сказку я начинаю именно отсюда.

Внутри пахло типографской краской, старым деревом и тишиной. Я подошла к стойке

читального зала. Пожилая библиотечарша в вязаной кофте равнодушно посмотрела на

меня поверх очков.

— Мне нужен доступ к электронному залу на час. Без читательского билета можно?

Разовый пропуск, — попросила я, протягивая мелкую купюру.

— Компьютер номер четыре. Паспорт покажите, я запишу в гостевой журнал.

Я протянула документ. Она вписала мою девичью фамилию, даже не вглядываясь в

фотографию.

Сев за потерянный пластиковый стол в дальнем углу зала, я включила старенький

монитор. Никаких авторизаций, никаких привязок к моим личным аккаунтам.

Абсолютно слепая зона для службы безопасности Марка. Я открыла поисковик. Мои пальцы замерли над клавиатурой.

Что я знаю о Денисе Мельникове? Ему тридцать пять. Он инженер по образованию.

Двенадцать лет назад, после фиктивной смерти матери и угроз Марка посадить

его за карточные долги, он бежал в Красноярск. Марк стер его из нашей жизни,

запретив даже упоминать это имя.

Я вбила: «Денис Анатольевич Мельников Красноярск инженер».

Поисковик выдал тысячи страниц мусора. Театральные актеры, врачи, студенты,

однофамильцы. Я просидела двадцать минут, перебирая профили в социальных

сетях, пока не поняла, что иду по ложному следу. Денис не идиот. Он бежал от

влиятельного брата. Он не мог оставить старую фамилию, зная, что Марк может

достать его где угодно.

Если он сменил фамилию, то на какую?

Я закрыла глаза, погружаясь в воспоминания. Те редкие вечера до «смерти»

Антонины Васильевны. Старая квартира, пахнувшая пирогами. Свекровь

достаёт альбом с фотографиями. «А это мой дед, Инночка. Герой войны.

Воронцов Илья Степанович. Денис так на него похож, та же упрямая складка у

губ...»

Воронцов!

Денис очень любил мать. Если он менял документы, он наверняка взял её девичью

фамилию в память о ней.

Мои пальцы запорхали по клавишам. «Денис Анатольевич Воронцов Красноярск

инженерия строительство».

Первая страница. Вторая. Третья.

На четвертой странице мой взгляд зацепился за ссылку: «ООО СибПромСтрой.

Руководство компании».

Я кликнула по ссылке. Загрузилась страница с корпоративным дизайном. В разделе

«Главные инженеры проектов» на меня смотрело знакомое лицо.

Мужчина на фотографии выглядел старше своих тридцати пяти. У него появилась

густая, аккуратная борода, а во взгляде застыла та самая тяжелая усталость,

которая бывает у людей, переживших страшную потерю. Но это был он. Те же глаза,

что у Марка, но без ледяного блеска. Глаза человека, которого сломали, но

который нашел в себе силы срастись заново.

Под фотографией значилось: «Воронцов Денис Анатольевич. Главный инженер.

Контактный телефон...»

У меня перехватило дыхание. Я нашла его. Я нашла единственного законного

наследника и сына, который может официально вмешаться в судьбу Антонины

Васильевны и вырвать её из лап Марка.

Я достала из сумки блокнот и ручку, быстро переписала номер телефона и

добавочный код. Затем очистила историю браузера, закрыла все вкладки и

выключила компьютер.

Оставив разовый пропуск на столе, я вышла из читального зала и направилась в

женский туалет на первом этаже.

Здесь пахло хлоркой и сыростью. В раковине мерно капала вода. Я заперлась в

самой дальней кабинке, опустила крышку унитаза и села. Руки дрожали так

сильно, что я едва смогла достать из потайного кармана кнопочный телефон.

Нажать кнопку вызова? Прямо сейчас позвонить Денису и сказать: «Привет, твоя

мать жива, а твой брат держал её в сумасшедшем доме двенадцать лет»? Он

решит, что это злая шутка. Или решит, что это провокация Марка.

Нет. Сначала мне нужно предупредить Артема, что второй этап плана готов.

Я открыла сообщения и набрала короткий текст на тугих пластиковых кнопках: «Я

нашла его. Номер у меня. Сегодня вечером свяжусь с ним. Как она?»

Ответ от Артема пришел почти мгновенно, словно он сидел и ждал моего сообщения,

не выпуская телефон из рук.

«Галоперидол полностью отменен. Делаем капельницы.

Она сегодня пила воду сама. И

она назвала ваше имя, Инна. Сказала: "Девочка в опасности". Возвращайтесь домой.

Не провоцируйте его».

Слезы, горячие и колючие, брызнули из глаз. Она помнит меня. Спустя двенадцать

лет медикаментозного ада её изувеченное сознание первым делом вспомнило обо

мне. О той, кого она успела полюбить за три коротких года.

Я прижала холодный пластик телефона к губам, подавляя всхлип. Я спасу её. Чего

бы мне это ни стоило. Даже если придется сжечь Марка вместе с его стеклянным

замком.

Я вытерла лицо рукавом ветровки, спрятала телефон обратно в карман и вышла из

кабинки.

Подойдя к зеркалу, я включила холодную воду и умылась.

Нужно было привести себя

в порядок. Марк ждет дома покорную, подавленную жену, лишившуюся своего

любимого волонтерского центра. Я должна дать ему этот спектакль.

Я вышла из библиотеки на улицу. Небо окончательно потемнело. Поднялся порывистый

ветер, срывая с деревьев первую весеннюю листву и швыряя её в лица прохожим.

Собиралась гроза.

Я сделала несколько шагов в сторону проспекта, чтобы поймать такси, как вдруг в

кармане моих джинсов — там, где лежал мой основной, легальный смартфон, который

я якобы оставила дома — раздалась пронзительная трель. Я замерла.

Этого не могло быть. Мой смартфон остался на кухонном острове в квартире. Я

помнила это абсолютно четко. Я сама положила его рядом

с вазой.

Дрожащими пальцами я опустила руку в карман. Нащупала гладкое стекло. Достала

аппарат.

На экране светилось имя: «Марк».

Воздух выбило из легких. Мир вокруг качнулся.

Если мой телефон был у меня в кармане... значит, я машинально сунула его туда,

когда уходила от техников. Моя блестящая идея со «слепой зоной» рассыпалась

в прах. Марк всё это время видел по GPS, что я не гуляю в парке возле дома. Он

видел, что я поехала на окраину. Он видел, что я зашла в Центральную библиотеку

и пробыла там час.

Телефон продолжал звонить, вибрируя в ладони, как живое, разозленное насекомое.

Я смотрела на экран, и липкий, парализующий ужас полз вверх по позвоночнику. Он

знает.

Я медленно провела пальцем по зеленой иконке и поднесла трубку к уху.

— Да, Марк? — мой голос прозвучал неестественно звонко.

В динамике раздался легкий смешок. Холодный, металлический звук, от которого

заложило уши.

— Гуляешь в парке, Инна? — его тон был ласковым, но эта ласка резала по живому.

— Странно. Мне казалось, в нашем парке не растут книжные стеллажи. Как там

пахнет пыль в архиве Центральной библиотеки? Всё так же, как пятнадцать лет

назад, когда я впервые тебя там увидел?

— Я... я просто решила заехать, — я судорожно пыталась придумать оправдание. —

Вспомнить молодость. Мне было так плохо из-за центра, я искала место, где

можно успокоиться.

— Успокоиться? В читальном зале? За компьютером но-

мер четыре?

Я закрыла глаза. Компьютер номер четыре. Он не просто отследил геолокацию. Его

люди взломали систему библиотеки. Он видел мой экран.

— Марк...

— Возвращайся домой, Инна, — перебил он меня. Голос упал до шепота, в котором

больше не было притворства. Только чистая, неприкрытая угроза. — Машина уже

ждет тебя у главного входа. Черный внедорожник. Савельев откроет тебе дверь. И

не вздумай бежать. Если ты сделаешь хоть шаг в сторону, я прямо сейчас позвоню в

полицию и сообщу, что через счета твоего фонда «Милосердие» финансировались

террористы. Галина Петровна умрет в СИЗО до суда. Связь оборвалась. Короткие гудки ударили по барабанным перепонкам.

Я медленно опустила телефон. Повернула голову.

Там, на другой стороне улицы, прямо напротив ступеней

библиотеки, стоял

матово-черный джип службы безопасности. Рядом с ним, прислонившись к

дверце, курил Савельев. Заметив мой взгляд, он небрежно щелкнул окурком в

урну и похлопал ладонью по заднему сиденью, приглашая меня внутрь.

Моя иллюзия победы оказалась лишь первым актом его жестокой пьесы.

Я крепко сжала в кармане дешевый кнопочный телефон. Там, на пластиковых кнопках,

всё ещё билось сообщение от Артема: «Я рядом». Там, в блокноте, был номер брата,

способного всё изменить.

Я не проиграла. Я просто перешла на уровень, где ставки стали смертельными.

Выпрямив спину, я шагнула с тротуара навстречу черной машине, прямо под первые,

тяжелые капли начинающегося дождя.

Инна блестяще справляется с поиском Дениса, но совершает фатальную

ошибку, забыв о том, что автоматически положила свой основной смартфон в карман.

Марк отслеживает её и показывает свою истинную силу, загоняя её в угол угрозами

в адрес невинных людей. Инне предстоит вернуться в квартиру, которая теперь

стала настоящей тюрьмой с прослушкой, лицом к лицу с мужем, сбросившим

маску.

Глава 11

Салон внедорожника пах дорогой кожей, озоном от кондиционера и едва уловимым

запахом оружейной смазки, исходившим от Савельева. Дождь, начавшийся еще у

библиотеки, превратился в сплошную серую стену. Дворники ритмично, с

гипнотическим шуршанием смахивали воду с лобового стекла.

Я сидела на заднем сиденье, вцепившись побелевшими пальцами в край своей

ветровки. Там, в глубоком кармане, лежал дешевый пластиковый телефон.

Мой единственный якорь в реальности. Если Савельев сейчас обернется и

потребуется отдать сумку и вывернуть карманы — всё кончено.

Но начальник охраны Марка смотрел только на дорогу.

Для него я была не опасным

противником, а лишь сбежавшей собачонкой босса, которую нужно вернуть в

вольер. Его пренебрежение стало моим щитом.

Мой мозг лихорадочно выстраивал варианты. Что именно Марк увидел на экране

библиотечного компьютера? Если его хакеры успели перехватить мой запрос до

того, как я стерла историю, он знает, что я искала строительные компании

Красноярска. Он знает, что я нашла Воронцова. Если это так — мне не

выжить. Он не оставит меня в квартире, он отвезет меня прямиком в «Кедр», в

соседнюю с Антониной Васильевной палату.

Но если хакеры просто засекли мою геолокацию и факт выхода в сеть через левый

IP-адрес?

Машина нырнула на подземный паркинг нашего жилого комплекса. Шины мягко

скрипнули по бетону. Савельев заглушил мотор, вышел и открыл мою дверь.

— Марк Анатольевич ждет вас, Инна Николаевна, — сухо произнес он.

Я вышла, чувствуя, как дрожат колени. Дошла до лифта, дождалась, пока зеркальные

створки сомкнутся, отсекая меня от телохранителя.

Поднимаясь на свой этаж, я заставила себя глубоко дышать. Четыре секунды вдох,

задержка, шесть секунд выдох. Техника, которой я учила панических пациентов в

хосписе. Сейчас она была нужна мне самой.

Я вошла в квартиру.

На первый взгляд ничего не изменилось. Тот же идеальный порядок, тот же

приглушенный свет в прихожей. Но воздух стал другим. В нем висел едва

заметный запах строительной пыли и плавленной изоляции

— следы работы Игоря и

его техников. Дом больше не был моим укрытием. Он превратился в живой, дышащий

механизм, который теперь слушал каждый мой вдох.

Марк сидел в гостиной, в своем любимом графитовом кресле. На низком стеклянном

столике перед ним стоял стакан с на два пальца налитым виски. Мой смартфон —

тот самый, на который он звонил мне у библиотеки, — лежал рядом. Савельев

успел забрать его у меня еще в машине.

Марк не поднялся мне навстречу. Он даже не повернул головы, когда я остановилась

в дверном проеме.

— Сними мокрую куртку, — произнес он. Голос звучал ровно, почти скучающе. — Ты

испачкаешь паркет.

Я послушно стянула ветровку. Сердце ухнуло вниз: в её кармане лежал кнопочный

аппарат. Я аккуратно повесила куртку на вешалку, мо-
лясь, чтобы пластик не

стукнул о деревянную панель.

Пройдя в гостиную, я остановилась напротив мужа.

— Зачем ты прислал за мной Савельева? — спросила я,
стараясь, чтобы в голосе

звучала обида, а не страх. — Ты угрожал мне полицией и
тюрьмой для Галины

Петровны. Что происходит, Марк?

Он медленно повернул ко мне лицо. В его темных глазах
не было ни ярости, ни

разочарования. Там было холодное, высокомерное удо-
влетворение

исследователя, который наблюдает за микробом под стек-
лом.

— Что происходит? — он усмехнулся, сделал глоток вис-
ки и поставил стакан на

стол. Стук хрусталя о стекло прозвучал как удар судей-
ского молотка. —

Происходит то, Инна, что моя жена решила поиграть в детектива. Причем в

очень дешевого и бездарного.

Он сунул руку во внутренний карман своего пиджака, висевшего на спинке соседнего

стула, достал сложенный листок бумаги и бросил его на стол, рядом с моим

телефоном.

Это был чек. Чек из ювелирного бутика на теннисный браслет.

— Думала, я не замечу, как ты шарить по моим карманам? — Марк откинулся на

спинку кресла, сложив руки домиком на уровне груди. — Ты так старательно

разглаживала лацканы после того, как сунула туда нос.

Меня обдало жаром, а затем мгновенно бросило в ледяной холод.

Он не знает о Денисе. Он не знает о пансионате.

Его система слежки зафиксировала только то, как я нашла чек на подарок Алисе.

Вся эта грандиозная спецоперация с хакерами, прослушкой и Савельевым была

развернута из-за того, что Марк Мельников поймал жену на банальной попытке

уличить его в неверности!

Осознание его слепоты ударило мне в голову пьянящим коктейлем. Он гениальный

параноик, но его эго слишком огромно. Он считал изменой не то, что спал с

другой, а то, что я посмела усомниться в его идеальности и начать собирать

компромат.

«Сыграй в эту игру», — вспомнила я слова Артема.

И я шагнула на сцену.

Мои губы задрожали. Я посмотрела на чек, затем перевела полный боли и отчаяния

взгляд на мужа. Мне не нужно было выдавливать из себя слезы — напряжение этого

дня требовало выхода, и я просто позволила плотине прорваться.

— Пятнадцать лет, Марк, — мой голос сорвался, превратившись в жалкий,

прерывистый шепот. Я опустилась на колени прямо на жесткий ковер

перед столиком, схватила этот проклятый клочок бумаги.
— Полмиллиона

рублей. Белое золото. Кто она?!

Я закричала. По-настоящему, громко, чтобы микрофоны, спрятанные Игорем в

вентиляции, качественно записали истерику сломленной, преданной

домохозяйки.

— Кто та сука, на которую ты тратишь такие деньги, пока я глажу тебе рубашки?! —

я скомкала чек и швырнула ему в грудь.

Марк даже не шелохнулся. Бумажный комок отскочил от его дорогой рубашки и упал

на пол. Выражение его лица оставалось брезгливо-спокойным. Он наслаждался. Моя

боль кормила его чувство собственной значимости.

— Прекрати истерику. Ты ведешь себя как торговка на рынке, — брезгливо

поморщился он.

— Как торговка?! — я вскочила на ноги, размазывая тушь по щекам. Мои руки

тряслись. Я вложила в этот гнев всю свою реальную ненависть к нему за

Антонину Васильевну, за таблетки, за фальшивую могилу. — Ты спишь с другой!

От твоего пиджака несет дешевыми шлюшьими духами! И ты закрываешь мой фонд,

угрожаешь мне, только чтобы я не подала на развод?! Думаешь, я побоюсь

отсудить у тебя половину всего, что мы нажили?!

Я попала в десятку. Глаза Марка хищно сузились. Моя фраза про раздел имущества

подтвердила все его аналитические выкладки.

Он медленно поднялся. В его движениях появилась тяжесть гранитного блока.

— Отсудить? — он сделал шаг ко мне. Я инстинктивно попятилась, врезавшись спиной

в книжный стеллаж. — Ты решила нанять адвоката, Инна? Для этого ты поехала в

библиотеку? Искала юриста по семейным делам, который работает за процент от

выигранного дела, потому что у тебя нет своих денег?

— Я имею право знать свои права! — выкрикнула я, всхлипывая.

Марк подошел вплотную. Его рука метнулась вперед, и жесткие пальцы стальной

хваткой сжали мой подбородок, заставляя поднять лицо.

— У тебя нет прав, которых бы я тебе не дал, — его шепот был страшен. В нем

клокотала темная, неконтролируемая ярость собственника. — Всё, что на тебе

надето, всё, что ты ешь, всё, чем ты дышишь в этом доме — принадлежит мне. Я

подобрал тебя нищей студенткой. Я слепил из тебя женщину. И ты думаешь, что

бумажка из бутика дает тебе право угрожать мне судом? Его пальцы сжались сильнее, причиняя реальную боль. Я зажмурилась, слезы

покатились по щекам, обжигая кожу.

— Мне больно, Марк... пусти, — прохрипела я.

Он отпустил меня так резко, что я едва не упала, чудом удержавшись за полку.

— Запомни раз и навсегда, — он навис надо мной. — Ты не получишь ни копейки.

Если ты попытаешься подать заявление, я уничтожу твою репутацию. Ты

окажешься сумасшедшей, нестабильной женщиной, которая растратила

фондовые деньги. Галина Петровна пойдет соучастницей. Я оставлю тебя на

улице, в тех же стоптанных туфлях, в которых ты пришла в мою жизнь.

Я смотрела на него снизу вверх, жадно глотая воздух. Мой спектакль удался. Он

полностью заглотил наживку. Он был абсолютно уверен, что контролирует масштаб

моей осведомленности.

— Что ты хочешь от меня? — спросила я, опустив голову и позволяя волосам скрыть

лицо. Поза абсолютной капитуляции.

— Я хочу, чтобы ты вспомнила свое место, — Марк отошел к столику, взял мой

смартфон и повертел его в руках. — Твой центр будет закрыт месяц. Это

наказание за то, что ты пыталась играть у меня за спиной. Твой телефон пока

побудет у меня. Я не хочу, чтобы ты сгоряча наделала глупостей и звонила

сомнительным юристам.

Он положил аппарат в свой карман.

— А как же я буду... без связи? — робко спросила я.

— Домашний телефон работает. Можешь звонить доставке еды или в спа-салон. За

пределы квартиры ты будешь выходить только со мной. Тебе нужен карантин,

Инна. Чтобы остыть и подумать о своем поведении.

Он говорил со мной как с провинившимся подростком. Его мания величия застлала

ему глаза.

— Поняла? — жестко спросил он.

— Да, Марк. Я поняла, — я подняла на него заплаканные глаза. — Я... я не хочу

развода. Я просто была так обижена. Мне было так больно...

Я сделала шаг к нему, словно ища утешения. Это был последний пилотаж отвращения к

самой себе, но я должна была доиграть акт до конца.

Марк снисходительно хмыкнул. Он позволил мне уткнуться лбом в его плечо. Его

рука легла мне на волосы — не глядя, а прижимая, фиксируя добычу.

— Я прощаю тебя, Инна. В первый и последний раз, — произнес он. В его голосе

снова зазвучали бархатные, «заботливые» нотки. Система восстанавливалась. —

А что касается Алисы... Это просто издержки моего статуса. Она ничего не

значит. Моя жена — ты. И так будет всегда, пока ты ведешь себя

благоразумно.

Я закрыла глаза, вдыхая запах его рубашки, и подавила рвотный рефлекс.

— Иди умойся, — приказал он, отстраняя меня. — Я заказал ужин. Проведем вечер в

тишине.

Я покорно кивнула и пошла в ванную.

Закрыв за собой дверь, я открыла кран на полную мощность. Шум воды заглушил всё.

Я оперлась руками о край раковины и посмотрела на свое

отражение. Красные,

опухшие глаза, размазанная косметика. Жалкое зрелище.

Я сунула руку под струю ледяной воды и плеснула в лицо. Озноб пробрал до костей.

Он думает, что запер меня. Он думает, что лишил меня связи, забрав айфон. Он

думает, что контролирует каждый мой вздох с помощью жучков Игоря.

Я вытерла лицо пушистым полотенцем. На губах расцвела настоящая, искренняя

улыбка.

В кармане моей ветровки, висящей в коридоре, лежал черный пластиковый аппарат с

новой сим-картой. А в моей памяти были выжжены одиннадцать цифр телефона Дениса

Воронцова.

Сегодня ночью, когда мой самоуверенный, непогрешимый муж уснет, я сделаю звонок,

который разрушит его империю.

Карантин начался, Марк. Но ты не учел одного: заперев

меня в одной клетке с

собой, ты запер себя в клетке с палачом.

Психологическая дуэль выигрывается Инной благодаря блестящей

импровизации: она подпитывает ложную уверенность Марка в том, что конфликт

строится вокруг его измены. Марк отбирает её основной телефон и сажает под

домашний арест, чувствуя себя абсолютным победителем.. Напряжение смещается к предстоящей ночи: удастся

ли Инне связаться с братом под носом у спящего мужа и прослушки?

Глава12

Ровное, глубокое дыхание Марка отмеряло секунды, словно метроном в комнате

пытках. Он лежал на спине, раскинув руки, занимая большую часть нашей

огромной кровати. Его лицо, расслабленное во сне, казалось поразительно

молодым и спокойным. Лицо человека, у которого нет ни совести, ни сожалений.

За панорамным окном спальни бесновалась гроза. Ветер с яростью бросал тяжелые

пригоршни воды в бронированные стекла, раскаты грома глухо вибрировали в

бетонных перекрытиях элитного дома. Природа словно сошла с ума, и эта буря

была моим единственным союзником.

Светящиеся цифры на климатической панели, которую

сегодня так старательно

«ремонтировали» техники Игоря, показывали 02:40.

Я лежала на самом краю матраса, стараясь дышать в унисон с мужем, чтобы ни одно

лишнее движение не выдало моего бодрствования. Дождавшись очередного раската

грома, который заставил стекла мелко задрожать, я медленно, миллиметр за

миллиметром, откинула шелковое одеяло.

Ортопедический матрас с эффектом памяти не издал ни звука. Ступни коснулись

прохладного паркета.

Я знала, что направленные микрофоны, которые наверняка спрятали в вентиляционных

решетках, способны уловить даже шепот. Мне нужна была идеальная акустическая

слепая зона.

Двигаясь в темноте, как привидение, я проскользнула в ванную комнату. Не включая

свет, сняла с полотенцесушителя самое толстое, пушистое махровое полотенце.

Затем вышла в коридор, вытащила из кармана ветровки кнопочный телефон и

направилась к застекленной лоджии.

Лоджия выходила на наветренную сторону. Дождь лупил по стеклам с такой

оглушительной силой, что здесь приходилось бы повышать голос даже при

обычном разговоре. Я плотно прикрыла за собой тяжелую пластиковую дверь с

двойным стеклопакетом, отсекая этот шум от остальной квартиры.

Здесь было зябко. Я села прямо на пол, прижавшись спиной к холодной кирпичной

стене, накрыла голову и телефон толстым полотенцем, создавая дополнительный

звукопоглощающий купол, и зажала кнопку включения.

Маленький монохромный экран вспыхнул тусклым синеватым светом, осветив мои

дрожащие руки. Я вывела звук на абсолютный ноль, отключив

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.